

Эвелина Телякова

Красный Лёд

Эвелина Телякова

Красный лёд

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=31507903

ISBN 9785449067708

Аннотация

Автор предлагает читателю роман-поиск, чей замысел основывается на том, чтобы рассказать, как нелегко отыскать в огромном многообразии жизненных смыслов тот единственный, истинный. Решившись на опасное покорение Белухи, герои, сами того не подозревая, подходят очень близко к пониманию смысла своего существования в этом мире. Этот роман – нелегкий путь в лабиринте возможностей, где самая большая опасность – пройти мимо искомого... мимо себя... Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог	6
Глава первая	18
Глава вторая	30
Глава третья	41
Глава четвертая	63
Глава пятая	72
Глава шестая	112
Глава седьмая	124
Конец ознакомительного фрагмента.	138

Красный лёд

Эвелина Телякова

Редактор Роман Всеволодов

© Эвелина Телякова, 2024

ISBN 978-5-4490-6770-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

По замыслу автора, миссия героев романа основывается на том, чтобы подойти как можно ближе к пониманию фундаментальных оснований их собственного бытия – действий и ценностей. Это нелегкая задача – отыскать в огромном многообразии поддельных жизненных смыслов тот единственный, истинный.

Главные герои, решившись на опасное покорение Белухи, сами того не подозревая, подходят очень близко к пониманию своей экзистенции, смысла своего существования в этом мире.

Неизменно оставаясь в собственной замкнутой системе жизненных координат, каждому из них, в конце концов, приходится выйти за эти рамки – а порой и сломать их – перед лицом объективной реальности, которая существует неза-

висимо от них.

Важно заметить, что перед восхождением все действующие лица имели четкую убежденность в собственной правоте относительно жизненной установки. И только суровые условия восхождения, словно срывая завесу, показывают, насколько каждый из них оказался прав в своем личностном выборе.

*Доктор философских наук,
Профессор кафедры медиакоммуникационных
технологий СПбГИКиТ,
Виктория Владимировна Канафьева*

Пролог

♪♪ гр. «Ария» – ШТИЛЬ

Шаг, еще шаг, потом еще... Миллионы шагов позади. Болезненных, медлительных и тягучих. Дорога к вершине. К вершине смерти. И обратно. Пик горы. Самой высокой горы. Вот она – цель! Где-то там... Теперь засыпанная снегом тропа гнала нас прочь от свирепого гребня. Пора возвращаться домой.

Перед глазами – белое небытие. Туман, снег, ледяной дождь – все смешалось. Невозможно ничего разглядеть, даже собственную руку! Замерзшие упрямые пальцы с трудом подчиняются жестким командам. Они не виноваты – кровь медленно затвердевает, жидкость превращается в лед. Тело умирает. Постепенно, неумолимо, страшно.

Слишком большая высота. Разряженный воздух вытекает из легких, не утешая кислородом. Горло саднит от желания пить. Дикое обезвоживание. В голове – плотная дымка. Мозг уже отказался принимать решения. Лишь где-то на задворках сознания еще тлеет единственная и самая важная мысль: нужно идти вперед. И тело покоряется спасительной мысли. Не отступать, не сворачивать, ни шагу в сторону – только вверх по веревке, тающей в молоке бурана.

Кто-то до меня всадил резной гвоздь ледобура и протянул эластичный канат веревочных перил. Отцепляешь карабин самостраховки и быстро вгрызаешься в шнур по другую сторону проушины ледобура. Если успел это сделать до того, как сдует порывом скоростью более восьмидесяти километров в час, то считай себя везунчиком до следующего звена альпинистской станции, до следующего «гвоздя».

Кто-то присматривает за тобой, ты присматриваешь за впередиидущим. Вы в одной связке. Оступишься – и подвергнешь опасности всю команду. Двенадцать сирых, далеких, обездоленных вдов проклянут и оплачут тело тринадцатого поскользнувшегося. Дети канувших в буре родителей не принесут цветы на могилу. Слезы ручьев и завывание ветра упокоят души нежданных гостей. Горный хребет станет их братской могилой. На высоте семь тысяч четыреста метров.

Шаг, еще шаг, потом еще один.

Альпинистские кошки царапают стену из голого льда, выбрасывая наверх моё измученное тело.

Мы отклонились от привычного маршрута. Нужно обойти перевал. Сейчас там дичатся свирепые ветры. Буран не унимается, следует срочно спускаться в базовый лагерь. Почти не осталось кислорода – последний баллон на исходе.

Снежная крупа атакует глаза. Кожа лица одеревенела. Если успеть вовремя вернуться, можно отделаться обморожением верхних слоев тканей тела. Через несколько месяцев ороговевшая кожа исчезнет, еще через год пройдут синюш-

ные пятна. Двадцать семь лет – вся жизнь впереди. Шрамы заживут, только бы вернуться живым.

Как же так получилось, что несколькими часами ранее едва не лишившись надежды выбраться из зоны смерти, теперь мы висим здесь над пропастью среди небоскребов недружелюбного льда?

В очередной раз покоряешь вершину, но она унижает сильней.

Шевелю пальцами, сжимающими ручку ледоруба, точно руку самого преданного из друзей. Тело восстало против меня. Легкие заполняются жидкостью, пальцы на ногах онемели, суставы ноют от перегрузок. Дыхание сбилось, сердце еле подергивается в груди. Зрачки окончательно заволокло пеленой – то ли туман, то ли слепота. В ушах – вой замогильного хора погибших альпинистов, не сумевших отыскать среди заснеженных каменных откосов собственный гроб.

Видения, фобии, чувство скорой смерти – первые симптомы кислородного голодания. Стоит поторопиться. Если продолжать в том же духе, жди отек мозга. И да прибудет с этим несчастным вечный покой!

Вершина – для самых стойких телом и духом. Для лучших! Не для всех.

Кто меня, сахарного, заставляет раз за разом подниматься к вершине? Никто не просил, но иначе – нельзя. Вот она, жизнь! На грани смерти!

А, может, к черту эти предрассудки?! Заиклился на горе,

а что ждет меня дома? Набитая снаряжением квартира? Скалодром? Мечты о новой горе? Может, пора остановиться? Стать человеком, остепениться. Найти нормальную работу, начать свое дело, разжечь семейный очаг. К черту горы!!!

Э, не-е-ет! Сердце ёкнуло при мысли отказаться от восхождений!

– Сры-ы-ы-ыв!!! – эхом раздалось далеко под ногами.

Еще одна группа увязалась за нами? Голос кажется далеким, потусторонним.

Неожиданно в уши брызгает лязгающий звук удара карабина о металл винта ледобура. Веревка натягивается тети-вой, и гравитация дергает вниз безвольное тело. Крепкий самостраховочный узел прусика впивается в основной альпинистский трос и удерживает-таки от рокового падения. Плечо больно врезается в холодную вертикаль стены, но, кажется, ткани и кости не пострадали.

Фу, пронесло!

Отовсюду слышатся крики.

В непроницаемом густом облаке легко забыть, что я не один.

От усталости нередко забываешь, что вообще существуешь, что когда-то спокойно дышал, пил литрами воду и отсыпался в тепле. Здесь, у вершины, образ простой человеческой жизни скорее похож на видение, на призрак, мечту. Лед поселяется у тебя в голове, а изморозь – в мыслях.

Все происходит как-то неспешно, словно в космосе или

в замедленной съемке. Или... так это видит затравленный мозг?

О, боже! Один из тех, кто шел следом, сорвался. В тумане невозможно оценить ситуацию. Сколько человек остается внизу? И все они все еще живы лишь благодаря усам само-страховки.

Пять человек сверху, значит семь – в опасности. На данный момент веревка держится из настырности ледоруба над моей головой. Но что будет, если железо выскочит из промерзшей стены?

Черт! Оставшиеся промежуточные точки крепления не выдержат тринадцать человек! Одна за другой, словно маленькие пуговички в блузке на слишком полной дамской груди, они выстегнутся из кромки льда и обрушат перила. Тринадцать тел рухнут в глубокое дно ущелья и останутся здесь навсегда.

Необходимо укрепить промежуточную точку страховки. Быстро!

Адреналин ударил в виски. Это ненадолго подстегнет циркуляцию крови и заставит пальцы двигаться шустрее.

Что там происходит? Кто там внизу не может уgomониться?

Винт расшатывается вместе с веревкой – угрожает вылететь из гнезда.

Используя ледоруб в качестве молотка, я на какое-то время снижаю риск разрушения гвоздя ледобура. Рядом ввин-

чивается такой же шуруп.

Веревка... карабин... узел... Готово!

Сверху голос одного из команды:

– Что случилось? Ты цел?

В ответ – собственный крик:

– Оборвалось несколько промежуточных станций!!!

Моя – последняя! Я закрепился, но веревку сильно выкручивает! Похоже, там что-то серьезное!!!

– Антон приказал проверить! Сможешь спуститься?

Черт возьми! Где найти силы? До нижнего звена метров пятьдесят. И что там сейчас? Нельзя забывать: мы в одной связке! Если не успокоить паникующих, они убьют всех нас.

– У тебя была одна веревка!!! Подстрахуешь?!!!

Через десять долгих секунд один конец плетеного шнура оказывается в руках. Мгновенно закрепляюсь на промежуточной страховочной станции, отстегиваюсь от общей веревки и обвязываюсь специальным узлом вокруг новой.

Отталкиваясь кошками, постепенно спускаюсь вдоль стенки, изо всех сил ловчась угадать очертания шедшего следом альпиниста. Следующий не знал, что происходит внизу, и за ним – тоже. Опускаюсь все ниже, метр за метром. Каждое движение предельно аккуратное, иначе можно ненароком толкнуть или поранить человека.

Как ни странно, дымка постепенно рассеивается под ногами. Прорезаются очертания товарища, третьего с конца. Он бледен, как снег, глаза неестественно сверкают. Ему не про-

сто страшно, он на грани истерики. Опасное состояние. Он не должен был терять силы духа.

– Что случилось? – кричу ему в самое ухо.

Усилившийся ветер напомнил коварное нижнее течение реки, стягивающее ноги оковами холода, когда жилы немеют, и сведенные мышцы гириями тянут на дно. Поэтому туман рассеивается – его разгоняет предательский ветер.

Мужчина не отзывается. Смотрит на меня оторопело. Молчит.

Решаю проверить все сам. Спускаюсь еще на пару метров. Трос исчезает в остатках тумана. Кончик веревки колышется по ветру над головой. Внизу никого нет.

Что?! Как так?! Куда исчезли еще два человека?

Сколько ни вглядывался в далекое дно ущелья, никаких следов жизни. Останавливаю взгляд на веревке и все понимаю. Альпинист, кажется, осознал, куда я смотрю, потому что веревка закручивается, хаотично раскачивая перепуганного мужчину.

Пытаюсь скорее приблизиться к нему, чтобы спокойно поговорить. Он обрезал веревку не просто так. Значит, что-то здесь приключилось. Вероятно, была причина, принять... такое... решение. Необходимо как можно быстрее все выяснить и продолжить подъем.

Вдруг улавливаю недоброе колебание ветра у самого уха. Доля секунды. И... удар.

По одеревеневшему лицу полоснуло тремя лезвиями кош-

ки. Горячее и липкое нечто стекает за воротник. Вся правая половина словно обожжена. Пахнет кровью. Правый глаз слегка зацепило. Едва не ослеп. Все, как в тумане. Левым зрачком подмечаю: тот разгоняется по принципу маятника – вновь попытается сбросить с веревки.

Отработанная реакция позволяет мне увернуться.

Без сомнения, мужик явно спятил. Нехватка кислорода, нечеловеческая усталость, страх за себя и ускользающее время доконали психику альпиниста, промёрзшего до костей, вбив клин между сознанием и бессознательным. Его разум потрошат самые невероятные фобии. Мужик дергается и скулит, силясь убить любого, кто попросту окажется рядом. Будь он в здравом уме, ему ничего не стоило бы перерезать веревку товарища, но в припадке ужаса перед подступающей к горлу смертью, он не в состоянии вернуть рассудок.

Веревка скрипит, и в один момент тело вновь кидает вниз на полметра. Закрепленный десять минут назад шуруп ледобура не выдерживает и выскакивает. Остается второй и последний. Долго ли он выдержит четырех ожидающих и одного невменяемого? А еще я сам... Моя веревка крепится к той же точке.

Мужик продолжает пинать воздух и рычать, как мелкая загнанная собачонка, не осознавая, что рискует разрушить единственное препятствие, ограждающее их от тотального срыва, и погубить себя в том числе.

Замахиваясь корпусом ледоруба и вонзаю стальной кон-

чик в лед. Нужно подняться чуть выше.

В голове – звенящая пустота. Ни единой эмоции. Даже боль ушла куда-то на задний план. Просто делаю, что должен. И все.

Ползу вверх по стене. Ледоруб обстоятельно врезается в скалу. Кошки не подведут.

Тот, другой, не может дотянуться до противоположной стены. Ему меня не достать.

Метр, второй, третий...

Барахтающийся уже подо мной.

Почему не приходят чувства? Где барабанная дробь в ушах? Все как-то неправильно.

Отталкиваюсь от стены и хватаюсь за общую веревку. На весу ее не обрубить ледорубом, приходится буквально рвать на волокна десятимиллиметровый крученный шнур зубчатым лезвием.

Под ногами крутится и визжит живой человек.

Хороший мужик. Последовательный, даже немного строгий, но внешне спокойный, неконфликтный. На вершине сдержанно улыбался, когда другие плясали и плакали от восторга. Антон, лидер группы, опасался брать его на вершину – легкая одышка немолодого альпиниста запросто могла перейти в массивный отек легких. Но мне отчего-то хотелось, чтобы он пошел. Не знаю, почему во мне возникло такое желание. Возможно, оттого, что он казался рассудительным и более скромным, чем парочка ребят надо мной.

Не люблю, когда задают прорву глупых вопросов, когда вообще много болтают. Знаю: люди разные, и кто-то не умеет вовремя промолчать. Но ничего не могу с собой поделать. Я уважаю тишину.

Вот как смеется над нами гора: самого молчаливого человека она превращает в испуганного поросенка. Его вопли оглушают меня.

Нитка за ниткой выскакивают из общего веретена и торчат кучерявыми локонами с головы старой куклы. Когда шнур оборвется, мне необходимо успеть схватиться за край, иначе сила тяжести потянет меня вслед за потерявшим рассудок. Помню – меня страхуют, и мое тело пролетит всего метра три-четыре, но я закреплен на общей точке, и, когда страховочная веревка меня остановит, сила рывка, скорее всего, выбьет винт ледобура. Все наши усилия окажутся напрасными. Мы упадем.

Нужно успеть ухватиться.

Зрачки расширяются, когда я вижу, как оставшиеся волокна рвутся под тяжестью двух истощенных тел. Цепляюсь за верхний конец. Меня бросает вниз, но заиндевелые пальцы удерживаются, не отпускают.

Черт! В неразберихе выпускаю ледоруб. Без него я погиб. В воздухе ловлю его ладонью за клюв. Успеваю! Настоящий везунчик!

И тут глаза натываются на нечто, растворяющееся во мраке. Это вроде еще человек, но я уже знаю, что нет. Он – по-

койник. Крик обрывается. Уши вновь заполняются воем ветра и пустотой. Холодной, безжизненной, одинокой. Смерть – вот она, близко. Одно движение, и конец.

Меня начинает трясти. В голове застревает отвратительная идея, что мою веревку тоже кто-то распиливает. Меня тоже хотят убить. Я убил человека, значит, я заслуживаю ту же участь. Пальцы еле справляются с ношей. По спине бродят сотни тысяч мурашек.

«Я замерзаю, я падаю! Меня никто не спасет! Я один! Они убьют меня!»

Слышу, как начинаю скулить. Как собака, как поросенок...

О, боже!

«Стоп! Сейчас же возьми себя в руки! Не терять головы! Никто не желает твоей смерти! Вы в одной связке! Не смей подвести товарищей!»

«Я убил человека! Разрезал веревку!»

Чувство вины окатывает меня кипятком. Тело слишком устало, чтобы справиться с таким грузом.

«Оставь это до следующего раза! Сейчас нужно карабкаться! Муки совести – все потом! Иначе – смерть».

Дергаю несколько раз провисшую страховочную веревку. Мой страхующий поможет вскарабкаться к тому месту, где я был прикреплен менее часа назад. Все замерзли. Нужно выбираться.

Не помню, как добрались до базового лагеря. Помню, что

рыдал, как ребенок. Каждый спрашивал, что там случилось, а я только заливался слезами.

Рану на лице мне прочистили и предупредили, что шрамы, увы, останутся навсегда. Я смотрел им в глаза и вспоминал того молчаливого альпиниста, чью веревку я так безжалостно перерезал. Эти отметины – вечное напоминание о хладнокровном убийстве живого человека.

Так наказала меня гора.

Не смоет святая вода страшный грех. Мучиться мне, захлебнувшись в пучине вины, до конца своих дней.

Домой я вернулся убийцей.

Глава первая

♪♪ гр. «System Of A Down» – Lonely Day

– Я подаю на развод! – Серафима кричала ему в спину. – Ты меня слышишь? Я совершенно серьезно! Я ухожу от тебя!

Мужчина спокойно развернулся. Его лицо не выражало ни испуга, ни гнева, ни огорчения. Разве что ехидство.

– Ты улыбаешься? – ей совсем не нравилось это выражение, замешанное на презрении и сарказме.

Прежде она никогда не испытывала подобного на себе, не могла и представить, что муж способен пренебрегать ею.

А еще эти старые шрамы... Багровые, глубокие, безбожно коверкающие его мимику. Три кожаных стежка ото лба вдоль правой щеки и один небольшой – в волосах. Бровь рассечена в двух местах, надвое разрублен висок. Как ему удалось до смерти не истечь кровью?

Однако самым пугающим для нее всегда оставался разрез радужки правого глаза. От тумана бесцветного, точно выжженного солнцем бельма на серых глазах веяло чем-то зловещим, таинственным, потусторонним.

Из-под кромки темных волос начинала прорезаться белая проседь. Прямой подбородок, тонкий нос, губы вечно обветрены... Раны чрезвычайно уродовали лицо. Хотя она

не за красоту его выбирала. В нем было что-то другое... Что-то еще... И с годами оно только росло... Необъяснимое. Как будто он знал то, о чем не догадывались другие... Высшая мудрость жизни или близкое знакомство со смертью?

Это странное ощущение – хохотать над шутками человека, часть лица которого никогда не смеется, а один глаз всякий раз испытующе всматривается в тебя, словно видит гораздо больше, чем ты желаешь ему показать.

«Все это детские фантазии», – стараешься внушить себе ты. – «Он ничего им не видит».

Стекловидное тело глаза осталось нетронутым, но зрение снижено – глаз фиксирует лишь края очертаний предметов.

«Но он видит суть», – так тебе кажется, и отделаться от навязчивой мысли не получалось даже после пяти лет замужества.

И теперь, в эту самую минуту, на ассиметричном лице явно читалась насмешка.

Ей стало не по себе.

– Я тебя слышал, – ровным голосом ответил мужчина.

– И что ты собираешься делать? – нервно выговорила она.

– Ничего. Я ничего не буду делать, – отозвался он равнодушно. – Я не дам тебе развод.

– Что?! Почему? – воскликнула девушка. – Это все, чтобы испортить мне жизнь? Ты этого добиваешься?

– Не говори ерунды! – мужчина развернулся к ней спиной и направился в соседнюю комнату.

– Мы не закончили! Куда ты идешь?

– Это мой дом. Собираюсь пройтись по нему.

Ей ничего не оставалось, как пойти за ним следом.

Она думала, что таким серьезным заявлением шокирует его, заставит обратить на себя внимание, сподвигнет к решительному разговору. Они уже два месяца не говорили. Молчание день за днем выдавливало из нее покой и радость, обстановка стремительно накалялась. Она устала терпеть. Стены их общего дома, крошечного двухэтажного коттеджа в черте города, душили ее. Воздух словно выкачали из комнат. Она почти задыхалась по ночам. Ей хотелось бежать из этой клетки и как можно быстрее.

– Я не поеду с тобой никуда! Твоя идея – полное безумие! Мне там нечего делать! – истерично закричала она ему вслед.

– Поедешь!

– Ты не имеешь права решать за меня!

– Неужели? – саркастично задал вопрос мужчина. – Ты поедешь, потому что это задание редакции, потому что таков приказ твоего начальника. Ты не в том положении, чтобы отказываться. Им нужен материал, как и мне. А я знаю только то, что никто не сумеет написать статью лучше, чем ты.

– Но я не хочу брать интервью у альпинистов! Я специализируюсь на театре! – возразила она, все еще злясь.

– Ты сама не знаешь, чего хочешь! – отрезал он.

Девушка застыла, словно ее внезапно окатили помоями.

Его слова не просто задели ее, она учуяла в них едкий подтекст, оскорбивший ее самолюбие. В приступе праведного гнева, она бросилась на него в попытке дотянуться и съездить по нахальной мине, расплывшейся на непропорциональном лице.

– Эй! – он поймал ее руку и железной хваткой прижал супругу к себе. – Перестань устраивать сцены! Ты ведешь себя, как истеричка! И хватит делать обиженный вид!

– Мне больно! – заскулила она, краснея от стыда и бессилья.

Мужчина отступил от нее.

«Горный козел! Такую огромную тушу и бурей не сдуешь! Чертов альпинист!» – выругалась она про себя, с раздражением глядя на широкую спину мужа.

Молодой девушке среднего роста едва ли совладать с грудой мышц профессионального спортсмена ростом метр-девятью. Он бы запросто мог вытряхнуть из нее душу, если бы захотел. Но он слабак. И не был способен даже поднять на нее голос.

Говорила ей мама, что не нужно выходить замуж в девятнадцать лет!

Родители опасались, что дочь забеременеет и бросит университет. Их страхи не оправдались – супруг тоже беспокоился об образовании жены.

Казалось, исполнялись ее заветные желания. У нее было все: полная свобода воли, грандиозные планы на будущее,

влюбленный до беспамятства муж.

Муж...

Вначале тот казался ей кремнем, настоящей стеной. Порой ему приходилось надолго оставлять жену, но по возвращению он готов был с радостью принести в жертву последнего тельца своей домашней богине, осыпая ее звездами и срывая с неба луну. Она воспринимала жизнь с ним как награду.

Однако, совсем недавно, выяснилось, что он обыкновенный мужчина, глупец.

Он все чаще стал соглашаться на длительные командировки.

«Деньги, деньги...»

Внеплановой беременности не случилось, сокровенные мечты сбылись, университет благополучно закончен, но дом, за который они каждый месяц выплачивали кругленькую сумму в ипотечном банке, все чаще казался ей слишком пустым.

Два месяца у Килиманджаро. Неделя на отдых и сборы.

Три месяца в Южной Америке. Возвращение.

Через десять дней новая командировка – на этот раз на Аляску.

Больше года они жили практически врозь.

Счастье ушло, и в душе поселилось безразличие. Внутренняя пустота порождала капризы и прихоти, однако муж спешил исполнять даже их. Ее это ужасно бесило. Она уже не помнила, чего на самом деле хотела в жизни.

Наконец, она поняла, что ее супруг вовсе не небожитель, здоровающийся с духами за руку на вершинах гор, а раб! Раб ее молодости, кукольной прелести, ее девичьих чар. Он позволил доить себя, как корову, не замечая, что жена теряет к нему интерес.

Она убедила себя, что ошиблась с мужчиной.

И, в конце концов, то ли от скуки, то ли от одиночества, в постоянном отсутствии мужа, после всех лет замужества она решила, что найдет того, кто заполнил бы ее пустоту.

Долго ждать не пришлось, и у юной девушки появился поклонник.

Сначала тот застенчиво уговаривал ее на чашечку кофе после работы, затем пылко признавался в симпатии на задних рядах темных залов кинотеатра, а спустя полдюжины невинных свиданий и романтических излияний, он все-таки попросился на прощальный «чаек» и раздел ее прямо в прихожей. Грубо, неистово, он взял ее на ковре напротив гостиной. Эффект от его варварских действий поразил ее. Она вся дрожала под чужим телом, охваченная какой-то нервной эйфорией опасности, страсти и звериной бешеной похоти. Она открыла в себе новую грань.

Муж никогда не одаривал ее подобным сумасшедшим экстазом. В постели он предпочитал оставаться медлительным, ласковым и деликатным. Он был гораздо внушительнее любовника, но считал всякое проявление несдержанности, как сам объяснил, попросту недостойным мужчины.

Она окончательно разочаровалась в собственной семейной жизни с этим человеком. Без сомнения, любви не осталось.

Девушка собиралась поговорить с мужем о разводе по его возвращении из поездки на Алтай, где он поведет туристов на вершину Белухи. За это время она упакует вещи и найдет какое-нибудь съёмное жилье. Начнет новую жизнь... как-нибудь... где угодно... лишь бы подальше отсюда! И от него!

И вдруг, громом среди проясняющихся небес приходит известие от начальства. После обеда главный редактор буквально ошарашил ее сообщением, что через пять дней она улетает на пару со штатным фотографом, ее тайным любовником, в командировку на Алтай, чтобы взять интервью – смешно подумать – у собственного супруга.

Нелепый комизм ситуации вывел ее из себя. Девушка нервно хихикнула в кабинете редактора, когда тот объяснил, кто все устроил, и помчалась домой выяснять отношения.

Однако вместо того, чтобы умолять жену не уходить от него, мужчина хладнокровно разглядывал взбесившуюся супругу, не позволяя найти отговорку и избежать поездки в тайгу.

– Зачем ты это делаешь? Между нами все кончено! Я тебя не люблю!

– Ты сыплешь киношными штампами! А сама еще считаешь себя перспективным журналистом! – бесстрастно поддел ее муж.

С тех самых пор, как он вернулся из трехмесячной командировки с хребтов студеной Аляски, Симе мерещилось, что он привез лютые заморозки с собой. Обычно размеренный и изредка словоохотливый, с тех самых пор мужчина замкнулся в себе, неизменно молчал, будто на что-то рассержен.

Она тщательно скрывала каждый признак незаконной связи с коллегой, сократила время свиданий, переодевала белье. Муж не мог знать. Но, возможно, что-то почувствовал. Жена принадлежала уже не только ему, точнее, совсем не ему, и он, будто зверь, чуял это.

– Специально глумишься? Хочешь помучить меня? Я не умею лазать по горам! Мне не забраться на стену! Я ничего не смыслю в альпинистских узлах и веревках! Запросто могу сломать себе шею! Или ты этого и добиваешься? – кричала она уже сквозь слезы. – Глеб, отпусти меня! Давай просто по-человечески разведемся!

Мужчина внезапно прекратил ухмыляться и посмотрел на девушку уже без оттенка иронии. Она уловила в строгом взгляде опасное предупреждение.

– Серафима, если ты откажешься ехать со мной, я сам подам на развод. Но прежде, чем кидаться на меня с кулаками, тебе следовало успокоиться и прикинуть, как именно дальше жить.

Девушка не разобрала, к чему это он клонил.

– Попробуй рассчитать, где ты будешь спать и на что по-

купать еду. Я перестану быть твоим мужем и финансово поддерживать тебя. Ты выбрала этот дом, мечтала родить здесь детей, и я взял его для нас. Но я уйду, и тебе не потянуть ипотеку.

– А я и не собиралась... – начала Серафима, но мужчина беспардонно продолжил.

– Придется найти квартиру и платить за аренду. Ты не отработала на редакцию и двух лет, и в ближайшие годы будешь получать от силы двадцать пять тысяч за месяц. Аренда квартиры, в среднем, стоит двадцатку. Так вот, подумай, на какие деньги останется существовать. Однако ты решительно отказываешься от поездки, саботируешь работу, не выполняешь заказ. Ты – уволена, если останешься в городе.

– Я могу...

– Знаю! Ты продашь норковую шубу, парочку подаренных тебе дорогих побрякушек. А что дальше? Заложешь в ломбард дешевающий айфон? – безжалостно продолжал супруг. – Ты же не дурочка! Куда ты пойдешь? Обратишься за помощью к родителям или друзьям? Согласятся ли они тебя содержать? К кому ты пойдешь, если потеряешь работу? – он сделал шаг в ее сторону, загородив свет из окна.

Девушка ощутила внутри себя нарастающую панику. Глеб откровенно, без всяких прикрас расписал будущее без него. Как бы она ни старалась убедить себя в том, что у нее все получится, он все же был прав насчет нее. Трижды проклят,

и трижды прав!

– Ты сознательно обрекаешь себя на беду, – холодно заметил он. – Оставь свое безрассудство и ответь себе на вопрос: ты готова сейчас лишиться семьи и крова ради эфемерной свободы?

Серафима молчала.

– Мы оба знаем ответ. Поэтому хватит громких заявлений и начинай паковать вещи. По ночам у подножья Белухи дуют холодные ветры.

Он разможил тонкую скорлупу ее хрупкой мечты о самостоятельности. Она оказалась не готова к разводу, и отчаянно винила его в своих бедах. Ей хотелось, чтобы он был виновен. Он с легкостью разрушил ее аргументы, распотрошил ее планы и высмеял чувства. Теперь ей действительно не извернуться, не выкрутиться, не сбежать. Ее жизнь оказалась крепко завязана на этом мужчине. Он буквально прижал ее к стенке: грозился лишить жилья и работы. Работа для нее была чуть ли не всем, что у нее оставалось. Ей доверили самостоятельно вести колонку статей об искусстве. Она не могла позволить себе потерять место в редакции.

Ее муж, тряпка – в чем она так убеждала себя последние месяцы – неожиданно поставил ее на колени. Главное, не расплакаться сейчас перед ним, не показать, что напугана его вспышкой презрения, отстраненной безжалостностью и грядущими испытаниями, с которыми ей, прежде никогда не покидавшей цивилизации, придется столкнуться в цар-

стве шлифованных метелями ледников.

Она жаждала отомстить ему за унижение и, одновременно, боялась лететь в сибирскую глушь. В новостных лентах ей нередко попадались на глаза статьи о туристах, которым не повезло: одни ломают ноги и руки, другие остаются во льдах навсегда. Некоторым не суждено вернуться домой. Их не найдут и не похоронят.

Человек бессилен против стихии, если она задумывает недоброе.

«Затерялся в лесу», «Оступился в болотной топи»... «Оборвался канат», «примерз карабин»...

Она сотни раз читала сводки пропавших, не вернувшихся с турпоходов, каждый раз опасаясь наткнуться на фамилию мужа.

Она стала ненавидеть горы.

Точно экзотические любовницы, они увлекали законных мужей далеко от семьи. Обнимали их ветрами под самым небом, целовали их простывшие губы снежинками, забирали себе еще горячее тело, навсегда отнимали и облюбовывали.

Не стоило ехать. Все кричало в ней об опасности... Но муж непреклонен.

Как-то внезапно в голове само собой продекламировалось:

*«Побудь со мной, моя гора,
Побудь еще чуть-чуть.*

*Умру я здесь и навсегда
Забуду к дому путь».*

Серафима одернула себя: «Какой дурацкий стишок!»

Ей ничего не осталось, как примириться с реальностью и начать собирать теплые вещи.

Глава вторая

♪♪ гр. «Imagine Dragons» – Battle Cry

– Эй, куда ты меня ведешь? – спрашиваю я ее.

Она выглядит слегка смущенной, но все-таки продолжает тащить меня по ночным закоулкам.

– Может, вернемся? Это не самый безопасный район для прогулок в полночь.

– Верь мне! – ее рука крепко сжимает мою.

Чувствую, как мой шаг ускорился. Она почти бежит.

От нетерпения? Или ей тоже не по себе?

– Все, стой! Уже не смешно! – мое терпение лопается. Мы вилим между старыми автомобильными гаражами более получаса, а она не сказала ни слова о том, куда мы спешим.

– Метров сто еще. За следующим поворотом! Обещаю: тебе понравится! – буквально взмаливается она, видя, что я не намерен двигаться с места. – Пожалуйста!

Всматриваюсь в ее милое личико.

Я все еще не привык к своему изъяну. Приходится неотрывно глядеть, чтобы не упустить детали. Обычно пристальный немигающий взор нервирует моих собеседников. Наверное, я похож на Франкенштейна.

Не представляю, о чем она думает, когда смотрит на меня... с восхищением. Стесняется, опускает глаза, но я все

равно ловлю этот взгляд.

Наше первое настоящее свидание, не считая коротких, но врезавшихся в память нечаянных встреч.

Позвонила сама, назначила время.

Согласился.

Что я делаю с ней? Сколько ей лет? Второкурсница... Вчерашняя школьница! Как же меня угораздило поддаться искушению? Опасному и, одновременно, сладкому...

Ее светлые глаза чаруют. Мягкие, распахнутые, доверчивые.

Нет, я совсем себе не удивляюсь! Ничего не могу с собой поделаться рядом с такой красотой. И не жалею!

Она молода, импульсивна и очень амбициозна. Порой слишком самоуверенна на поворотах. В этом возрасте кажется, что весь мир у твоих ног.

Со мной так и было: отправился покорять Казбек в одиночку. Мне едва минуло восемнадцать.

Восемнадцать... двадцать лет – это время безрассудных поступков.

Меня остановили тогда. Мой тренер-отец крепко всыпал мне за ребячество.

Знаю: он испугался за сына. Однако знаю еще кое-что: он отсрочил мое восхождение, и, тем самым, лишил шанса на мировой рекорд.

Как мне хочется, чтобы ей не пришлось обуздывать себя. Она так хороша в своем горячем нетерпении! Все эмоции

выплескиваются через край жгучей лавой. С ней мне кажется, что я понемногу оттаиваю после самой холодной ночи в моей жизни на высоте семь с половиной тысяч роковых метров.

Потрясающая девушка!

– Хорошо!

Я бесстрашно сдаюсь на милость красоте, и вижу, как она улыбается мне в знак искреннейшей благодарности.

Мы бежим к освещенному подъезду, переливающимся разноцветными неоновыми огнями.

Я застываю на миг в замешательстве.

– Ты хочешь, чтоб мы вошли туда?

– Да, конечно! – она светится от предвкушения поразить меня. – Сегодня здесь играют «Северные Драконы»! Мне сказали, что ты обожаешь их музыку, – она уже достает из сумочки два приглашения и протягивает их громиле-охраннику.

– Вот дьявол! – чертыхаюсь я еле слышно.

Она оборачивается на меня удивленно. Наверное, все-таки расслышала.

– Тебе... не... нравится? – почти обречено выговаривает она.

Вижу, как тухнет в глазах радостный блеск отчаянного восторга. Уголки губ поникли, на лице – отпечаток смущения и стыда.

Я сразу понимаю, о чем она думает.

– Нет, ты не правильно поняла! – хочу прервать ее пытки. – Я действительно люблю их музыку! Дело вовсе не в группе!

– Дело во мне?

– Нет, глупая! Ты... нравишься... мне, – бросаюсь я красивыми словами прямо здесь, на пороге бара, на глазах у вышибалы. Но ее это успокаивает.

– Здесь раньше работал один человек, с которым мне лучше не встречаться, – объясняю я.

Она уже хочет задать вопрос.

– Это долгая история, – сразу пресекаю ее любопытство, – и не самая приятная для обсуждения.

Она кивает. Поняла.

Секунда. Нужно принять решение.

Я не знаю, как ей удалось достать «ви-ай-пи» -приглашения, но наверняка они ей дались нелегко.

Живое исполнение «Драконов»... Кажется, я влюбляюсь в эту малышку!

– Идем! – я беру ее за руку. – Жизнь без риска – не жизнь!

В тесном помещении людно. На сцене «жжет» молодая неизвестная группа – разогревает толпу. Главных звезд еще нигде не видно. На вечеринке кутит добрая сотня человек. Внешне обстановка выглядит грошовой: кресла, публика, музыканты. Как в любой другой забегаловке. Но только не в этом баре. За обманчивой дешевизной скрывается выдержанный, как односолодовый скотч, чистейший андегра-

унд.

Никаких кричащих лейблов! К черту роскошные аксессуары! Только негласные стили, только свобода и бессмертный рок! Сколько на самом деле стоит рядовой коктейль в чуть надтреснутой стопке, здесь не принято интересоваться. Деньги – вещь третьесортная, и, видимо, поэтому зажиточные «подпольщики» привыкли оставлять в баре пятизначные суммы.

– Ты раньше была тут? – кричу я ей на ухо.

– Нет! А ты? – небрежно спрашивает она.

Чувствую, что слегка напрягаюсь.

– Можно и так сказать, – не собираюсь уточнять.

Несколько лет назад я был завсегдатаем этого места. Сейчас воспоминания о тех временах кажутся мне счастливыми. Все изменилось и уже навсегда. Многие от меня отвернулись, и я ничем не могу себя оправдать.

– Как ты раздобыла билеты? – любопытство перебарывает меня.

– Я же учусь на журфаке! Обещала написать статью про музыкантов, – перекрикивает она чугунные басы барабанщика.

– Ты связалась с руководством бара?

– Нет! С группой! То есть, с их пресс-атташе.

Кажется, я вытаращил на нее единственный зрячий глаз.

– Ух ты! Смело! – одобряю я ее профессиональную хватку.

«Дерзкая барышня!» – подмечаю себе.

– Оглядываешься. Боишься этого «человека»?

Как ей удастся с таким простодушием задавать мне столь личные вопросы?

Для нее они ничего не значат, она не замечает гадкий контекст.

Ее счастье.

– Нет, я не боюсь «человека», – невыразительно отвечаю ей, не желая развивать тему.

Нет, искра любопытства в ней не потухла. Я делаю вид, что не замечаю напряжения в лице от множества вопросов, терзавших ее.

Что такое страх по сравнению с муками совести? Я не боюсь страха – давно научился контролировать адреналин. Но выгрызающий изнутри стыд неумолимо подтачивает меня с новой силой, когда по воле коварного случая рискую наткнуться на призрак из прошлого.

– Выпьем? – указывает она на стойку.

– Решила за мной поухаживать? – подтруниваю над ней.

Смущается. Она не знает, как ей вести себя рядом со мной.

– Я думаю, с моей стороны было бы невежливым позволить потратить тебе все сбережения на стопку виски и клюквенный «Космополитен», – подмигиваю ей. – Сам закажу.

Медленно продвигаемся вдоль океана человеческих тел. Наконец, приближаемся к бару.

– Что будешь пить?

Она разглядывает винную карту и неожиданно густо краснеет.

– Может, полбокала шампанского с апельсиновым соком? – лепечет она – я еле расслышал.

Заказывает самое дешевое...

И тут понимаю, что за ней никто никогда не ухаживал.

Девушки не смотрят на цену, если их угощают, ведь они расплачиваются с мужчиной своим обществом. Моя спутница уверена, что не может тратить мои деньги.

Догадка меня удивляет и смешит одновременно. Ее замешательство выглядит нелепо. Загляни она сюда одна или с подругой, два десятка мужчин выстроились бы наперебой угощать ее. И она не догадывается об этом...

Мысль о неискушенности этой девушки меня взволновала.

Она не знает себя... не знает, какой неизгладимый эффект производит.

Я не хочу, чтобы она оставалась в неведении.

– Коктейль «Эсмеральда» и 50 грамм односолодового! – кричу бармену.

Мы не знакомы. К счастью, он недавно работает.

Поворачиваюсь к ней:

– Не думай ни о чем! Просто расслабься!

Опять этот взгляд неприкрытого восхищения.

Мы соприкасаемся краями стекла в незамысловатом то-

сте. Пятьдесят грамм упали в желудок, согревая тело, стряхивая напряжение с нервов.

Ее порхающие улыбки и кокетливая игра ресниц заставляют меня почти забыть о тяжком грузе из прошлого. Я снова чувствую в себе силы жить. Она рядом, и мне хочется верить, что все будет в порядке, ничего ужасного и не происходило со мной никогда! Она здесь и сейчас – настоящая, а все то – больной сон.

– Смотри, смотри! – ее бархатно-янтарные глаза устремляются к сцене.

«Северные Драконы» вступают на помост. Неприметные гитары с обшарпанной эмалью не могут обмануть публику. В руках настоящего профессионала любая доска запоет райской пташкой.

Басист, барабанщик. Выносят лютню – главная «фишка» скандинавской рок-группы.

Все начнется сейчас.

Ожившая музыка заполняет собой переполненный зал. Приветственная, лихая, она заставляет сердце биться в такт барабанам. Свист и аплодисменты одобрительно поднимаются над музыкантами. Они отдаются лейтмотиву и влюбляют в себя всех, кто их слышит.

Звучит следующая композиция. Моя юная красавица допивает коктейль и визжит от восторга. Я складываю пальцы нужным образом и издаю оглушающий ликующий свист. Мне мерещится, что я и сам часть этой музыки, что без меня

невозможно извлечь задиристые аккорды из электрогитары. Мы все связаны здесь: мелодия, музыканты, посетители, я, она, ее обволакивающий взгляд и влюбленные губы, шепчущие мне на ухо слова упоения.

Но еще красноречивее выражается ее тело...

Медленный гипнотический транс кружит голову – незнакомая мне следующая музыкальная зарисовка электризует воздух необычайными сочетаниями образов и звуков.

Я ощущаю, как замедляется время. Я слышу стук ее сердца. Я вижу испарину в ложбинке на ее шее.

Она танцует.

Бедра причудливо играют волнами из стороны в сторону, и корпус мягко прогибается. Длинные пряди волос истекают вдоль спины. Я устал гадать, как назвать этот цвет: не русский, не рыжий, не белокурый. Распущенные светлые локоны тягуче проливаются пьяным котлом вязкого золотистого меда. Мед... словно пряный горячий мед... Она так близко ко мне, что я улавливаю запах ее кожи... и растворяюсь в нем...

Наклоняюсь поцеловать ее. Я умру, если не поцелую.

Она тянется ко мне очень медленно, не прекращая вырисовывать чувственные фигуры прекрасным телом. Она играет на моем желании, но она не знает, как это может быть опасно: я привык выигрывать главный приз. А с ней... с ней... я не могу идти до конца. Она юна и не готова... Соблазнительна... аппетитна... Не могу себя остановить...

Я почти касаюсь ее губ.

Стоп! Что-то не так... Ощущаю тяжелый взгляд мне в затылок. Резко оборачиваюсь – так и есть!

Мы узнали друг друга. Молча, как два заматерелых хищника.

Моя златовласка растерянно мечет взор то на меня, то на мою старую знакомую.

– Кто она? – слышу осторожный вопрос.

Я не отвечаю. Прокручиваю возможные последствия сложившейся ситуации. Я уже знаю, чем все кончится. В голове мгновенно возникает решение.

Знакомая уже растворилась в толпе. Но она вернется. Очень скоро.

– Ты должна уйти! Сейчас же! – быстро шепчу своей красавице.

– Что?! Я не хочу уходить! – она хватается за мой рукав.

– Поверь: ты должна уйти отсюда как можно быстрее!

– Объясни мне, что происходит?! – теперь она еще лихорадочнее вцепляется в мою руку.

– Мне придется кое с кем встретиться, – прочесываю зал в поисках лица той женщины. – А ты бери такси и уезжай!

– Встретиться с ней? – спрашивает она, уязвленная.

Господи! О каких глупостях она думает!

Черт! Тянем время! Слишком много неуместной мелодрамы!

– Ты слышала меня? – понижаю голос. – Проваливай отсюда!

– Но... – она отшатывается, словно я ударил ее.

– Пошла вон! – кажется, я рычу. – Живо!

Краем зрения замечаю ту, другую. Она быстро приближается, идя вслед за... Вот дерьмо! Да уж, вечер обещает много интересного...

А моя юная студентка все еще стоит рядом со мной. Меня раздражает ее детское упрямство. Я грозно поворачиваюсь к девчонке и вижу, как в янтарных глазах набухают пухлые слезы. Она обреченно пятится, но через несколько шагов срывается и стремглав мчится к выходу, подальше от меня и от этого места.

Теперь я вздыхаю спокойно.

– Куда ты подевал свою куколку?

– Я один.

Глава третья

– Привет! – раздалось над толпой.

На Глеба бросились два человека.

– Давно не виделись, старина!

– Тоже скажешь! Подумаешь, пара месяцев!

Каждый заключил его в дружеские объятия.

Один из них, русский, был довольно высоким. Обычный мужик, около тридцати пяти лет, ровесник Глеба, спортивного телосложения, русые волосы, улыбался открыто, с задором. Вероятно, хороший парень, испытанный горами помощник и страхующий, преданный друг.

Девушка не сомневалась, что ее муж давно работал в паре с ним. Комплекцией тела они почти совпадали.

Второй – невысокого роста, смуглый, черноволосый и сухощавый, на вид лет пятидесяти, заговорил с сильным азиатским акцентом:

– Хорошо дома побыть! Жена рада, дети рады, но пора и дело уважить!

Казах, монгол или китаец? Серафима не определилась, на кого он больше похож. Никогда прежде ее не смущало то, что она не разбирается в национальностях. Киргизы, буряты, китайцы, монголы – все они казались ей на одно лицо. Зато ее супруг мог легко отличить одних от других. Наверное, все дело в нескончаемых путешествиях. Наверняка пе-

резнакомился со всем земным шаром. Сама она всего пару раз покидала Москву, ничего толком не видела.

Китаец сразу ей не понравился: маленькие черные глазки муравьиными бусинами пробежались по альпинистам и, бле-
стя, остановились на ней, впиваясь неодобрительным взгля-
дом. Сима почувствовала его отвращение или смущение, ко-
гда тот осознал, что девчонка с ними в одной туристической
группе. Она тоже пришлась ему не по вкусу.

Что ж, к ним ее занесло не по своей воле.

Серафима угрюмо уставилась на супруга. Он затащил ее
в эту дыру, чтобы поизмываться. И у него отлично получа-
ется!

Глеб не обратил внимания на тяжелый взгляд девушки.
Вероятно, теперь ему будет не до нее. Он вышел вперед
и объявил:

– Здравствуйте, господа альпинисты! Если с кем мы еще
не знакомы, я – Глеб Русаков. Начиная с сегодняшнего дня
и в ближайшие две недели, я буду вашим проводником, тре-
нером, экскурсоводом. Вашим руководителем, вашим совет-
чиком, вашим психологом и, позволю сказать себе, братом.
Все вопросы, которые неизбежно будут возникать в течение
нашего путешествия, вы можете адресовать мне. Хочу также
представить вам моих помощников: Андрей и Соят! Наде-
юсь, со временем вы разберетесь, кто из них кто, – он улыб-
нулся, разрешая посмеяться над шуткой. – Здесь собрались
десять человек. Вскоре к нам присоединится медсестра. Она

уже дожидается нас в селе Тюнгур вместе с кофе и булочками, так что поспешим. Дорога отнимет почти целый день. За ночь мы должны успеть хорошенько отдохнуть. Выход назначен на завтра.

Послышались возгласы и свист восторга. Мужчинам хотелось быстрее приступить к делу – выдвинуться к поставленной цели.

Им предстоит прошагать в общей сложности около ста двадцати километров. С тяжеленными рюкзаками под дождем месить грязь, а потом стучать зубами от холода у подножья. Опасность, дискомфорт, перегрузки – эти парни готовы терпеть все ради того, чтобы просто-напросто залезть на кусок глыбы и снисходительно поглазеть на мир. А затем что? Хвастаться родным и друзьям, как, преодолевая усталость, взошли на очередную вершину давно покоренной горы?!

«Да они сумасшедшие! И Глеб – прежде всего!» – ехидно заметила про себя Серафима.

Она столкнулась взглядом с Сергеем, фотографом-оператором и своим тайным любовником. Тот смотрел на нее с пониманием. Он, вероятно, разделял ее чувство. Но что тут поделаешь? Работа есть работа! А муж... Она говорила, что за мужем.

Конечно, он не предполагал, что окажется вынужден подчиняться указам ее муженька-рогоносца, и делать вид, что ничто не связывает его с этой хорошенькой девушкой, но,

как говорится, мир тесен. Самое главное, муж не догадывается, что они вытворяли, пока он разгуливал по своим ненаглядным горам. Так что все в полном порядке. Они договорились, что будут вести себя, как чужие люди, которых послали в общую командировку – ни встреч, ни разговоров. Просто коллеги. Пробегут две недели, и они смогут вновь наслаждаться телами друг друга. Две коротких недели...

Он уже предвкушал этот вечер. Он выгонит мать и сестру прогуляться, а сам разольет по бокалам ледяное шампанское и начнет медленно – очень медленно – ее раздевать. Она будет умолять его сорвать оковы одежды. Она такая нетерпеливая... и всегда такая горячая... Но на этот раз он ей не позволит.

Мучительно долго... Сначала – блузка. Юбка. Потом – чулки.

Когда он губами сдернет трусики, она уже будет готова. И он сделает это, сделает то, о чем она просит.

Такая скромная вначале их знакомства... Она замужем. И даже глаз не поднимет... В упор не замечала мужчин. А потом вдруг согласилась на ужин... Он и не надеялся даже... А она... Она оказалась пылче испанской шлюхи. Развратная бестия! Видно, муж ее редко баловал, потому что вела она себя, как изголодавшая распутница.

Миловидная, хорошо сложенная, девушка цепляет взгляды этих неотесанных мужиков.

Интересно, как другие видят ее? Даже муж объелся груш

и не сумел разглядеть в ней чертовку, жадную до ощущений, пристрастившуюся к риску и лжи о грязных изменах. Еще бы! Такое приятное открытое личико, теплые карие девичьи глазки, мягкие волосы цвета хны. Он и сам не поверил бы, если периодически не резвился бы с ней четыре последних месяца.

Фотограф попытался незаметно, исподволь еще раз рассмотреть ее, но уже как будто чужими глазами.

Все-таки хороша! Ростом, правда, слегка маловата. Обычно его интересовали дамы повыше. В городе она не снимает высоких каблуков, знает, видимо, о своем недостатке. И сейчас у нее будто отняли что-то, лишили статности в этих дорожных кроссовках.

Забавный прикид. Дымчатые спортивные трикотажные штаны свободного покроя, желтая хлопчатобумажная обтягивающая майка, синяя походная обувь, бейсболка. Волосы в хвостик. Похожа на дворового плохиша. Наверняка ее муж постарался и вырядил ее так. Заядлый походник и альпинист, он сам подбирал гардероб. Сима когда-то упомянула, что ничуть в этом не разбирается.

«Да уж, это тебе не по столичному асфальту каблуками выстукивать!» – ухмыльнулся Сергей.

Он заметил ее кислую мину, когда главный проводник отдал распоряжение снять верхнюю одежду.

«В Барнауле сейчас плюс тридцать пять, очень жарко. Знаю, вы намерзлись в Москве, но в городе душно. Раздень-

тесь до футболок. Нам не нужны тепловые удары», – объявил Глеб на выходе из аэропорта.

Неужели она вновь застеснялась себя? В присутствии мужа? Или ее смущает любопытство этих дикарей?

Неожиданно Сергей ощутил на себе чей-то тянущий свинцовый взгляд. Нет, не Глеба. Его бессовестно сверлил взором помощник главного проводника, Соят, эта китайская худая обезьяна. Фотограф был абсолютно уверен, что тот был китайцем из-за его манеры коверкать слова на извращенный-свистящий лад.

Черт! Залюбовался девчонкой и, похоже, китайчонок застукал его.

Чего ему надо? Собирается настучать ее мужу?

Следует быть аккуратнее, нельзя так по-глупому себя подставлять!

– Машина ждет! Загружаемся! – громко, чтобы все услышали, распорядился Глеб. – Через десять минут выезжаем!

Чистенький микроавтобус приветливо растворил свои двери навстречу альпинистам. В нем легко поместился багаж, и оставалось достаточно места для пассажиров. Глеб специально арендовал его для этой поездки. Много оборудования, вещей и еды. Каждый постепенно укладывал привезенный инвентарь и выходил надышаться воздухом перед дорогой. Машина нагрелась, и в кабине властвовала сдавливающая духота.

Серафима дождалась, пока мужчины уложат свои вещи

и освободят проход. Только она шагнула внутрь, как чья-то сильная хватка бесцеремонно выдернула ее назад.

– Эй! – вырвалось у нее. Это было ее первое слово со вчерашнего дня. Желая выразить протест, она отказывалась разговаривать.

– Твое место – рядом с водителем, – сухо проговорил ее муж.

Его пальцы продолжали крепко сжимать ее локоть. Симе показалось, что рука супруга как-то странно потяжелела. Он вдруг стал груб с нею.

Девушка упрямо вскинула подбородок, надеясь скрыть следы приступа едкой тревоги от него и самой себя. Она рассерженно вонзила глаза в его бесстрастную физиономию. Делает вид, что ничего не случилось?

Подбородок опять покрывался щетиной. Он когда-то смеялся, что борода защищает кожу от ветра и греет его на высоте. Но, возвращаясь домой, всегда торопился сбрить бороду. Знал: ей не нравилась густая растительность, а ему чертовски хотелось зацеловать свою молодую женушку после изнурительного путешествия.

Однако в последнее время он перестал бриться. Хотя и неудивительно: их семьи практически не существовало. Глеб сутками хранил молчание, передвигаясь по дому, как черная тень. Им не о чем было поговорить. Уютный коттедж внезапно превратился в глухую тюрьму. Она еле сдерживалась от нервной истерики, возвращаясь в темницу после

работы. Только в прошлые выходные, пока они готовились к турпоходу, подбирая ей снаряжение, он иногда обращался к супруге с нехитрым вопросом, сам же отвечал односложно, избегая деталей.

Что ж, теперь она помолчит! Назло! Специально!

Серафима выдернула локоть из его наглых пальцев и завернула за угол автомобиля. Их короткую стычку вряд ли кто-то успел бы заметить. Она не хотела показать остальным своего поражения перед этим отъявленным лешим, привыкшим называть себя альпинистом.

Обойдя микроавтобус, девушка прочла: «Мерседес-Бенц».

Крутая машина! Лишь бы работал кондиционер. Майка прилипла к спине, над бровями скопился пот. Очень жарко!

Из рюкзака она достала солнечные очки, стремясь припрятать глаза от беспощадных лучей яркого утреннего света.

Как ей хотелось сейчас пожаловаться Сергею на сумасбродного мужа! Тот, наверно, пожалел бы ее. Он обязательно бы утешил возлюбленную, а может даже попытался бы защитить ее от третирования. По-мужски пообщался с Глебом, убедил оставить в покое любимую, развестись и дать возможность ей жить своей жизнью.

Серафима опять замечталась.

Она не успела поговорить с фотографом после того злополучного четверга, когда собиралась заявить о разводе. И тот попросту не знал, что она, наконец, решилась уйти от супру-

га.

Интересно, как сильно он обрадуется тому, что им будет не нужно скрываться? Конечно, она не собирается навязываться ему, ведь они совсем недолго встречались. Но, в таком случае, он наверняка предложит ей помощь. Она сможет позволить себе аренду квартиры, и постепенно он переберется к ней от матери и сестры.

Нет, замуж она пока точно не хочет! Ей хватило горечи и разочарований. Они могут и просто жить вместе... Некоторое время... Она опять будет свободной! Какое это блаженство!

Надо просто все рассказать Сергею.

– Все внутрь! Едем! – прервал ее сахарные раздумья гулкий голос руководителя делегации.

Ее лицо скривилось от резкого звука. Сима показала язык незримому образу ее мучителя. Однако понимала, что все равно покорно сядет в автобус, который увезет ее в глухую тайгу, кишашую хищниками и кровососущими насекомыми.

Путешественников качало уже шесть часов, но, кажется, никто, кроме нее, этого не замечал. Как назло, рулить автомобилем был посажен Соят, и на человеческую беседу рассчитывать не приходилось.

Мужчины бурно обсуждали маршрут и спорили о тонкостях восхождения. На девчонку свалился целый ворох незнакомых словечек. Она оказалась неготовой к походному сленгу и очень скоро потеряла всякий смысл высказываний.

– ...Никто уже не использует восьмерку! Устаревшая фигура! Гораздо удобнее работать с Гришей!

– Гри-гри запросто клинит на морозе! Узел или кусок льда, и тебе уже не дюфельнуть! Повиснешь, как куропатка – над грилем!

И все разом громко заржали.

Сима все больше и больше мрачнела. Она чувствовала себя заключенной, которую перевозили на место каторги – искупать вину неудачного замужества, на которое по глупости согласилась.

– Мне обещали хороших коней. До горного приюта доберемся быстро и налегке, – негромко пояснял кому-то Глеб. – Важно, чтобы погода не подвела. Сейчас на леднике минус восемь-десять, относительно безветренно. Но кто знает, что там будет через неделю. Льды подтаивают, снежные карнизы истончились. В прошлом месяце там пропал человек. Поиски ничего не дали. Он сорвался, и образовалась лавина. Его погребло под тоннами снега.

– И что ты предлагаешь?

– На Белуху нельзя наскоком. Нужно приближаться к ней постепенно и позволить ей подпустить нас к себе. С ней обходятся, как с невестой, уважают ее целомудрие. Если гора не дается, лучше всего отступить. Ее вершина, как зеркало: отражает помыслы.

Серафима задержала дыхание от того, что только что рассказал ее муж. До сих пор она с трудом могла себе вооб-

разить, что мужчины способны верить преданиям. Но, как один, все замолчали. Каждый думал о чем-то своем.

На мгновение она представила себе: «А что, если это не выдумка?».

Неужели гора убьет ее за ложь и измену? За ненависть, которую испытывает к супругу теперь? Она клялась перед алтарем в крошечной церкви, что будет почитать мужа и останется верна ему до конца своих дней. Но тогда она не могла предположить, что эти дни бывают слишком тягостными.

С другой стороны, Белуха вряд ли способна внимать оправданиям.

«Будь что будет!» – грустно подумала Серафима.

Песок летел из-под колес. Дорога закручивала то вправо, то наоборот.

Иногда машина скатывалась в щебенку, где-то приходилось объезжать по земле. Автобус неумолимо подбрасывало на кочках, но водитель быстро выравнивал руль, и они продолжали нестись вдоль пропаянной колеи через опушки, залитые светом.

Природа изнывала от жажды. Солнце обжигающей лавой изливалось на высушенную почву. Над пергаментом короткой травы, обескровленной опаляющими лучами, висела густая испарина пыли. Воздух зацементировался от кучного слоя взметнувшихся в небо ороговелых глиняных частиц. Насекомые не решались напекать хрупкие крылья и прятались в спасительной тени под навесами стебельков. Где-то

там, в поднебесье, оторвался от матери-березки иссохший листок. Все кругом пропиталось мылом бессилия. Избавление ожидалось лишь с наступлением ночи, когда в тишине вновь послышатся песни ручья. Но до них еще далеко.

Серафима подняла затравленный взгляд на китайца – тот не повернул головы. Она попыталась обратиться к нему, но вместо слов получилось невнятное мычание. Что-то твердое и увесистое подпирало желудок изнутри. Грудную клетку сдавило крепкой судорогой. Глаза застелило бесцветным маревом пустоты. Краски смешивались. Кажется, она забыла вздохнуть, что, наверное, уже было неважно. Край сознания еще успел отличить визг тормозов и странный гомон. Кто-то выдернул ее из кабины и оставил умирать под горелым солнцем. Дальше – пропасть неведения...

Глеб старался не шевелиться.

Да уж, не слишком удачный день для поездки. Не рассчитанные на плюс сорок пять градусов в тени слабые автомобильные кондиционеры не избавляли от удушья.

«Обещали на вечер грозу. Хорошо, если бы за ночь прошла», – Глеб сонливо перебирал мысли.

Ничего, им не привыкать к аномальным температурам. На какой-нибудь вершине, облепленной льдами, порой изнываешь от желания избавиться от одежды. Нужно заставить себя принять нутром эту жару, успокоиться и не расходовать силы. Жалость к себе подрывает решимость. Зачастую полезно следовать кодексу жабы: стать холоднокров-

ным и попытаться регулировать температуру тела в зависимости от обстоятельств. Слишком жарко? Расслабься и без лишних движений! Если холодно – работай, не спи!

Мужчина посмотрел на часы – два по местному времени.

Еще часиков восемь, и они на подходе к турбазе: к чаю, ужину и мужским разговорам – о горах, восхождениях, ну и просто о жизни.

Ромка, один из альпинистов в этой группе, был прошлой осенью в Гранд-Каньоне, штат Аризона, одолел несколько пиков. Чертовски интересно, каким маршрутом он пользовался. Жаль, пока некогда метнуться в Америку на недельку, другую. Возможно, в будущем году и наклюнется краткий отпуск. Однако опять же... как Серафима отреагирует? Хотя... к бабке не ходи – он и так знал.

Глеб приподнялся – захотелось взглянуть на жену. Наверное, спит. От такой духоты страшно клонило в сон. Остальные тоже дремали. Один Соят неустанно глядел вперед. Закаленный степями. От него никогда не услышишь ворчания или жалоб.

Все-таки стоит проверить, как там Сима.

Осторожно, так, чтобы не разбудить остальных, он приблизился к водительскому сидению. Глеб сразу почувствовал неладное: зрачки закатились, лицо бледно-зеленое, губы белые. Она что-то пыталась шептать, но бессвязные звуки мешкались где-то на выходе.

– Соят, тормози! – громко скомандовал он.

Помощник без лишних вопросов остановился. Автомобиль резко дернулся, два рюкзака с грохотом повалились на кресла. Альпинисты, облитые горячим потом, вяло зашевелились.

– Ребята! Помогайте! – обернулся к ним Глеб. – Воды! Быстро несите воду!

Неторопливые движения в один миг перешли в шуструю суету.

– Что... что стряслось? – распухшим языком апатично выговорил фотограф.

До него никак не доходило, зачем они остановились, и кому там понадобилась вода.

– Ее бы в тень!

– Встаем! Спиной к солнцу! – закричал один из ребят.

Четверо выстроили плотную стену из собственных тел. На девушку опустилась желанная тень.

Глеб вылил на неподвижное тело питьевую воду из нескольких полулитровых бутылок. Лицо, волосы, грудь – все необходимо было смочить и дать возможность ускорить вентиляцию кожи. Не проронив ни единого слова, мужчины спокойно глядели, как утекает бесценная жидкость. До ближайшего села пара часов дороги. Им придется потерпеть, разделив бутылку оставшейся воды на десятерых.

Фотограф жадно глядел на жертву беспамятства.

Хлопковая майка пропиталась водой и решительно очерчивала сокровенные округлости девушки. Обступившие ее

девять мужиков, умирающие от обезвоживания, вынуждены делать вид, что ослепли и не замечали насквозь мокрой женской футболки.

«Красивая!» – должно читаться на лицах. Но суровые морды окаменели, взгляды разбежались по сторонам, будто глазеть здесь было и не на что.

Китайчонок наклонился к ней.

– Тепловой удар, – заключил он после короткого осмотра.

– Но кожа бледная, – возразил ему кто-то.

Помощник ничего не ответил и обернулся на Глеба – пусть сам решает, кто из них прав. Глеб не выбирал. Он не раз был свидетелем, как его низкорослый приятель ловко вправлял свернутый палец и замедлял кровотечение, используя нажимы на разные точки туловища пострадавшего.

– Здесь в получасе ходьбы ручей, – заключил руководитель отряда. – Наполним большую колбу, по дороге будем останавливаться, поливать ее.

Серафима негромко застонала.

– Дайте воды! – потребовал Глеб.

– Последняя, – протянула бутылку рука.

Рослый альпинист приподнял мокрую голову жены и подставил к ссохшимся губам бутылочное горлышко.

– Пей! Тебе надо попить! – мягко попросил ее он.

Девушка с трудом приоткрыла веки и безропотно проглотила заливавшуюся в рот теплую воду.

– Аккуратно! Не так быстро!

Она поперхнулась, и ее тут же стошнило желчью и остатками влаги. Еще несколько минут она силилась еще что-нибудь сплюнуть.

– К врачу бы.

– Нужно поскорее показать ее Наташе, – вставил Андрей.

– До турбазы еще далеко.

– Сам знаю, – огрызнулся Глеб. – Нам нужна вода. Андрей, ты знаешь дорогу. Возьми кого-нибудь, и возвращайтесь скорее.

– А мы?

– Перенесем ее в тень автобуса. Соят о ней позаботится, – он пристально взглянул на низкорослого помощника. – Остальным придется остаться здесь и ждать.

– Эй! Как тебя там? Сергей! – окликнул кто-то из-за спины. – Помощь нужна!

Фотограф неохотно отвернулся от мокрой футболки девушки. Его звал помощник Глеба – Андрей.

– Подсоби! – он выгружал коробку из микроавтобуса. – Чего, бабы давно не видел? Давай уж как-нибудь посдержаннее, а то... некультурно что ли. Держи-ка дверь!

Недвусмысленное замечание несло характер насмешки. Это укололо и разозлило Сергея. Он хищно взглянул на язвительного помощника.

– Ну, почаще встречаю, чем ты в этой глуши! Тут, наверно, олени – самое близкое к женщинам, – ответил он сухо.

Андрей засмеялся во всю луженую глотку.

– Шутник!

– Еще бы!

– Оленей я тут не встречал, зато всяких козлов, преимущественно горных, хоть отбавляй!

– Я смотрю, ты тоже шутник, – ухмыльнулся Сергей.

– На равнине – да, а вот в горах особо не пошуткуешь, – уже серьезно объяснил тот.

Ничего особенного он не сказал, но во фразе отчетливо прозвучало некое предупреждение.

– Что со мной было? – слабо выговорила Серафима.

– Обморок, – коротко объяснил китаец. – Ничего страшного.

– Можно отправить меня домой? Мне плохо здесь, – плачущим голосом попросила она.

Китаец ничего не ответил. Тот вообще сделал вид, что не слышал ее. Девушка поняла, что защиты ждать не от кого.

Ее муж стервятником нарезал круги вокруг автомобиля, выжидая, когда жертва, наконец, издохнет, чтобы на правах жоака этой стаи выклевывать из нее самую нежную плоть. Каждый раз он внимательно вглядывался в ее лицо, чтобы в чем-то удостовериться, и продолжал коротать медлительное время по новому кругу.

– А где Сергей? – взволнованнее, чем сама хотела, задала вопрос девушка.

Блуждающие зрачки китайца резко застыли. Несколько секунд, и они уже пялились на нее. Выражение его лица во-

все не изменилось, но задержавшийся взгляд вынуждал съедаться от гадкого подозрения.

«Глеб, ты ублюдок! Ты – последняя задница! Как я жила с тобой и не заметила, какая же ты сволочь?» – выругалась про себя Серафима, когда в очередной раз встретила глазами с мужчиной. – «Мечтаешь замучить? Хочешь, чтобы я умоляла? Валялась у твоих ног? Не дождешься! Да я лучше отправлюсь в ад, чем еще раз что-нибудь попрошу у тебя! Будь ты проклят, чудовище! Я выживу и разведусь с тобой сразу, как только вернемся!» – яростно выкрикивала она в своих мыслях.

– Идут!

Альпинисты повставали с раскаленной земли. По лицам читалось, насколько каждый из них был измучен. Каждый грезил о заветном глотке чистой воды, но никто не решался высказать идею вслух, будто другие могли счесть ее за слабость и больше не подать руки бесхребетному нытику.

Двое мужчин несли по две больших пластмассовых колбы, наполненных прозрачной, звонко плещущейся водой.

– Иди, полей из одной нашу принцессу. Остальное – под сидения, – самоуверенно, точно приказывая, указал Сергею помощник.

Лицо фотографа окрасилось в коралловый оттенок. То ли от палящего солнца, то ли от неудобного положения, в какое он попал в этом коллективе, он раскраснелся, точно вареный рак. Ему вообще здесь нечего делать. Он не альпинист,

не обратит им по духу. Он – портретный фотограф, равнодушный к пейзажной съемке, очевидно, по ошибке отправленный с журналисткой, с которой он трахается в коттедже ее глупенького муженька. Он вернется и заявит редактору, что больше не согласится на рискованные командировки, пускай ему и предложат солидный гонорар из денег этого предводителя чокнутых скалолазов.

Он наклонился и принялся осторожно выливать прохладную жидкость на грудь, волосы и живот девушки. Серафима скорчилась от жжения холодной воды. Заново прорезались высокие груди через легкую мокрую ткань. В горле досадно заклокотало от желания присосаться к ним, слизывая каплю за каплей живительной влаги, мечтая напиться из божественного источника.

«Сережа!» – послышалось где-то далеко, за туманом чудесного видения – Серафима почти шепотом его позвала.

Фотограф попытался сфокусировать взгляд на лице девушки.

– Послушай! Нам надо возвращаться! Пожалуйста, поговори с Глебом, убеди отвезти нас в город! Мне надо в больницу! Я больше не могу!

– Почему я? Ты его жена! – возразил фотограф.

От таких слов Сима на мгновение растерялась.

– Он меня ненавидит! Он это делает только назло мне! – вновь попыталась уговорить она его.

– Так извинись перед ним! – бросил он ей раздраженно. –

Меня он тоже не слушает!

Ей показалось, что в нее заливают раскаленную ртуть. Переполненный отравляющим сплавом мешочек желудка лопнул, и опасный металл разливался по телу, причиняя ей страшные муки.

Девушку еще раз стошнило.

Мужчины сочувственно глядели в сторону чахлой малышки.

– Глеб, может, вернемся?

Серафима открыла глаза. Вопрос, очевидно давно зревший в умах, все-таки озвучил один из альпинистов.

Ее муж стоял к ним спиной. Широко расставивши ноги, он выглядел, как бессмертный хозяин алтайских хребтов. Может, хотел разглядеть край земли, подвластной ему одному? А, может, все-таки было стыдно смотреть в болезненное лицо девочки, ожидавшей его оправдательного вердикта.

– Мы продолжим путь! – громко ответил он.

За шиворот покатались вероломные слезы. Они выдадут ее с головой! Уныние и меланхолия тяжким камнем легли на живот. Голова раздулась сальным пузырем. Руки и ноги исчезли – их вовсе было не жалко. Только слезы... Их липкий след не должен оказаться замеченным ее мужем, ставшим форменным тираном. Слезы слабости – пусть они высохнут! Пусть...

– Она без сознания? – опасливо спросил один из альпинистов.

– Нет, она спит. Устала, – на ломанном русском ответил Соят.

Глеб быстро повернулся к ним.

– Все рассаживаются по местам. Надо ехать. По пути будет деревня – там наберем ключевой воды.

– А эта? – кто-то показал на полупустую бутыль.

– В ней слишком много минералов. Нельзя! – объяснил за приятеля Соят.

– Вот, – протянул свою руку Андрей, первый помощник.

Сухая ладонь была покрыта белым налетом, словно только что стирала с доски школьный мел.

– Идите! Поторопимся! Я сам ее отнесу, – обратился к мужчинам Глеб.

Он аккуратно, стараясь не потревожить целительный сон девушки, поднял ее и внес в кабину автомобиля. Хрупкое болезненное тело легко уместилось на широком сдвоенном кресле, здесь она сможет немного отдохнуть.

– Соят, за руль сяду я, – подошел руководитель группы к смуглому второму помощнику. – Присмотри за ней.

– Зачем ты притащил ее сюда?

– Она журналистка. Она здесь, чтобы взять интервью.

– Кого ты обманываешь? Я видел, как ты смотрел на нее.

Она – твоя жена.

– Какое тебе дело? Она тут не поэтому!

– Поэтому! – перебил его друг. – Ты пытаешься что-то доказать! Себе или ей?

– Соят, послушай...

– Ты же понимаешь: гора не подпустит к себе человека с дурными намерениями!

– Поверь, у меня таких нет!

Невысокий мужчина скептически ухмыльнулся.

– Ты идешь опасным путем! Может кончиться дурно. Для нее и для тебя, – просвистел он с азиатским акцентом.

– Соят, ты очень мудрый человек! Я всегда уважал твое мнение! Однако в этот раз ты неправ.

– Поживем – увидим, – как-то неопределенно сказал помощник.

Еще несколько раз в течение дня ее будили, чтобы умыть и смочить одежду холодной водой. Она что-то лепетала про истязания, плакала и умоляла не пытаться ее больше. Затем приходила в себя и робко отмалчивалась.

В базовый лагерь микроавтобус Мерседес-Бенц прибыл уже глубоко за полночь. Крепко спящую Серафиму бережно перенесли в дом.

До утра ее никто не побеспокоит.

Глава четвертая

♪♪ гр. «Ария» – Потерянный рай

Грубый порыв ветра хлестнул по лицу. Мелкая крупа ледяного снега царапает ороговевший слой кожи. Уже практически не болит. Потеря чувствительности? Значит, сильное обморожение. Однако глаза... Не могу разглядеть насквозь промерзших ладоней. Снежная слепота. Кожу рук непрерывно жжет, словно пальцы жарят на гриле. Когда нестерпимая боль уйдет, руки будет уже не спасти. Хотя... в такую метель... и себя не спасти.

Еще один день? Продержусь ли еще один день?

Кто-то хрипит. Ромка!

Ползу к нему на коленках. Движения неуклюжие, отрывочные. Я похож на заржавевшую игрушку. Механизм едва функционирует. Одеревенело все тело. Вот, я его нащупываю. Живой. Рядом живой человек – это очень немало для застрявшего в снежном капкане.

– Ромка! Ромка! – пытаюсь докричаться до него.

Гортань не слушается меня. Удастся выдавить из себя глухой хрип, в котором едва ли можно узнать человеческое имя. Язык отяжелел и словно изжеван. Надо продолжать говорить.

– Ром! Мы в расщелине под ледяным карнизом! – хриплю громче, чтобы перекричать вой метели. – Высота около трех с половиной тысяч. Ты упал. Но ты выкарабкаешься! Слышишь меня?! Как закончится эта дьявольская буря, за нами придут! Слышишь?! Связи нет, но они знают, где мы! Все будет хорошо!

Зачем я так сказал? Соврал.

– Ромка!

Он без сознания. Правда, ненадолго. Если не двигаешься – замерзаешь. Но у него все кости переломаны, сильнейшее внутреннее кровотечение. Чудо, что он до сих пор жив после того падения. Однако шанс умереть здесь от холода еще выше.

Рация не работает. Чтобы переждать непогоду, мы ушли на другую сторону склона. Нас не найти, если не знать, где искать. Я сам обрек нас двоих на такое. Мы оба уже мертвы. Ромке повезло – он в отключке. Я умру медленно и не сегодня.

Через пару часов стемнеет. Это наша третья ночь во льдах без света, горячего и еды.

Пытаюсь разглядеть близкий навес потолка. Рукой можно достать. Вот он, мой склеп, ледяная могила для Белоснежки, мавзоль Ильича. Лучше всякого бальзамирования.

Может, просто закрыть глаза и уснуть? Тяжко ждать собственной смерти. Пока она еще доберется до нас! Высокова-то для костлявой старухи. Закрою глаза, и она очень быстро

нагрязнет. К полуночи буду готов. Им нас не найти... Холодно! Руки саднит... Нужно принять... Сдаться... К чему теперь упрямство?

Слышу голос... Это песня. Знакомая, очень знакомая...

«Засыпай, на руках у меня, засыпай... Далеко, там, где неба кончается край, ты найдёшь потерянный рай...».

Кто же ее написал? Уже не помню. Как ее там...? Ну эта! Помню-помню! Но поет ее другой голос... Черт! Да это же я сам! На свадьбе! А я ведь женат. На ней... Должно быть, расстроится из-за меня... Не может не расстроиться! Она думает, что знает себя, а на деле...

Помню, сливочное платье. И она, такая красивая. Невозможно было взгляд оторвать! Все-таки она – что-то неземное, исключительное. Длинные локоны... О, этот волшебный оттенок ее волос! Обстригла их однажды. Зачем она это сделала? Если бы я был тогда рядом, ни за что не позволил бы. Надоело ей, понимаете ли! Если бы был... Но не был – отправился в Гималаи.

«Во сне хитрый демон может пройти сквозь стены...», – раздаётся голос в пещере. – «...дыханье у спящих он умеет похищать», – я пел для нее, для своей прекрасной жены. Такая юная, такая наивная... – «Бояться не надо, душа моя будет рядом твои сновиденья до рассвета охранять».

Она была счастлива тогда. А потом... Я все больше работал, разъезжал по командировкам, отправлялся в горы снова и снова.

Деньги... Ради заработка ли покидал жену? Или все это ради себя? Она не обязана была ждать! Я обещал ей совсем другое... Любить ее, подарить целый мир, заботиться, оберегать.

Как я мог ее уберечь, если меня не было рядом?

Она ни в чем не виновата!

«Это ты – идиот!» – ругаю себя. – «Только и думал, что о себе! Подохнешь здесь, как собака, а она там... осталась... Кто ей поможет утешиться?»

Пусть она снова отрастит свои чудесные волосы! В память обо мне! Я любил ее, и после всего... люблю даже больше! Только пусть она не трогает волосы!

Я снова слышу голос. На этот раз не свой. Он гораздо тоньше и тише. Голос незримой женщины откуда-то издалека. Вслушиваюсь изо всех сил, но не могу разобрать слова. С кем она разговаривает? Не понимаю.

Теперь стараюсь не обращать внимания на тихий гомон. Он мешает заснуть. Зачем он мешает? Я устал, я очень устал! Оставь меня!

Но звуки усиливаются. Слышу речь и очень знакомый тембр, но опять никак не припомню, где я мог его слышать. Голос обращается ко мне, что-то хочет от меня сейчас. Чем я могу ему здесь помочь? Неужели он не видит, что я замерзаю? В конце концов, мне некогда, я пытаюсь уснуть!

– Вернись! Ты меня слышишь, я знаю! Умоляю: вернись ко мне! – произносит неведомый голос. Сначала шепотом,

затем все громче и громче.

Мои силы на исходе, и я попросту начинаю слышать голоса. Галлюцинации... Песня со свадьбы, просьбы какой-то женщины. Чего только не придумает угасающий мозг? Простывшее воображение или агония бреда... Просто не слушаю их. Скоро все закончится...

Кажется, я заснул, потому что мне привиделась она... моя милая... Она тихо пришла ко мне в белой сорочке. Я сначала подумал, что она хочет проститься. Я был счастлив увидеть ее в этот роковой день. Но она меня даже не замечала. Неужели я мертв? Неужели мне так и не придется коснуться ее теплого лица своими обмороженными руками?

Я заплакал. Как ребенок, как маленький испуганный мальчик. Мне вдруг стало так холодно и очень-очень страшно здесь, в этих остывших горах. Один, совсем один... тут... навсегда... Больше я никогда ее не увижу...

Просыпаюсь от обжигающих слез.

Сколько времени? Я не вижу! Ослеп!

Беспробудная чернота. Ни зги не разглядишь!

Ночь. Дело совсем не в глазах, это проделки ночного мрака! Буря утихла, значит, утром спасатели начнут поиски. Пока нас найдут... Нет, нас не найдут!

Нащупываю фонарик. Толкаю онемевшим пальцем задвижку. Нет, не включается, не поддается. Замерзла. Или батарейка закончилась?

Я, наверно, как этот самый фонарик... во мне кончился

заряд жизни...

Снова закапали слезы. Жжётся горячей солью, зараза! По трещинам кожи... Но я уже себя отпустил... Рыдаю беззвучно... Нет, не от мужества... оно уже задохнулось... Воспалённая разбухшая глотка не дает звукам рождаться. И я хриплю от безумного страха, от непозволительной паники, от безнадеги и одиночества. Захлебываюсь соплями, кашляю и снова реву, как дикий израненный зверь.

В бессилии падаю ниц, где лежит Ромка. Случайно наталкиваюсь на него. Он не стонет. Видимо, мертв. Я не стану проверять. Если умер, значит, скоро и мой черед.

– Прости! – мысленно кричу я жене. – Прости меня!

– Вернись ко мне! Ты жив, я знаю! Тебе больно и холодно, но ты должен! Заклинаю: возвращайся живым! – узнаю голос жены. Это она звала меня тихо.

Открываю глаза. Она здесь, рядом со мной. В ситцевой белой сорочке. Толстые длинные косы, в прядях – светлые ленты. Румянец, лихорадка в теплых глазах.

Господи! Ты же замерзнешь, ты простудишься, сидя здесь на снегу. Голые ноги, ни куртки, ни шапки. Глупенькая! Зачем ради меня залезла в эту пещеру? Я же не смогу тебя проводить до стоянки! У меня не осталось сил.

Она продолжает смотреть прямо в лицо. Заплаканные глаза... Кто тебя обижал? Я поклялся оберегать тебя от невзгод и, выходит, нарушил клятву. Нарушил... Прости меня, любимая! Я перед тобой виноват! Не кори меня слишком дол-

го, если сможешь! Прости!

Она наклоняется ко мне и накрывает своей нежной ладонью мою, потемневшую, обмороженную. Чувствую приливы горячей крови к пальцам. Во мне еще бурлит кровь? Странное ощущение, болезненное и приятное одновременно. Словно опустили в очень горячую воду. Но я радуюсь... искренне... Костяная боль утихает. Смог пошевелить парой пальцев, потом еще одним, и еще.

– Я буду ждать тебя! Постарайся!

О чем она? Я не смогу... Она сошла с ума! Это невозможно!

Силюсь ответить ей, приподнимаюсь и... никого. Пусто! Рядом лишь мертвый Ромка. Я снова один.

Здесь только я сумасшедший! Поверил призраку... Сон, мираж, бред... Я устал!

Гляжу на ладони, прежде согретые женой. Руки двигаются! Холодные, едва чувствительные пальцы плохо гнутся, но, если постараться, все же сумею завязать простой узел на тресе!

Нет, хватит думать об удаче! Смерть близко, я ее чую... Встречай дорогую гостью!

Руки двигаются... Нужно попробовать! Я обязан попытаться! Ради жены...

Но она не любит меня! Несколько дней назад поклялась, что уйдет...

Нет, любит! И я это знаю. Она любит! Ждет и надеется!

Давай же! Подбирай застывшие сопли и приступай!

Плевать мне на шансы! Я – альпинист, и должен умереть в попытке, а не в смирении!

«Даже не думай сдаваться без боя!»

Я вновь даю на переключатель налобного фонаря – не работает, предатель! Стучу корпусом о ладонь... Заморгал! Есть надежда!

Медленно стягиваю веревку, насаживаю карабин. Спустя полчаса я обвязываюсь веревкой и ползу к выходу, обитому шапками снега.

Действительно, метель утихла. Мрак ночного пространства заставляет меня съежиться от бескрайней пугающей глубины. Слово меня затянуло в Черную дыру, и я не уверен, в каком направлении искать небосвод или пропасть долины. Все, что я вижу, находится на расстоянии ладони бледнеющего луча от головного фонарика. Не имею понятия, в какую сторону направляться, но выбора нет. Неуклюжими пальцами ввинчиваю ледобур в кромку седовласого льда, отпускаю веревку – ту заглатывает пустота. Мой друг-ледоруб мне в помощь. Я замахииваюсь, и...

Тяжелый снежный карниз, надутый и утрамбованный выюгой за два нескончаемых дня, не выдерживает массы человеческого истощенного тела, и под траурный грохот рыхлого пепельного сугроба, я проваливаюсь в черноту.

Я упал с высоты более трех тысяч метров...

*Не боюсь я ветров проклятых,
Не страшны мне вершины лихие!
Но страшусь в волнах Леты
кануть,
Не успев заглянуть напоследок
в глаза ее золотые.*

Глава пятая

Серафима проснулась от дребезжащего света из окна над головой. В небольшой комнате была только она.

Мебельный аскетизм узкого пространства напомнил ей тесную каюту подводной лодки. Две узкие койки вдоль шероховатых дощатых стен. Крошечный овальный столик, надкроватные полки советских времен, низкий шкафчик у двери. Незнакомые женские вещи в беспорядке разложены на покрывале соседней кровати. На верхней полке – склянки, что-то вроде лекарств, и пачки с таблетками, на столике – зеркало и расческа.

Ее собственная походная сумка оказалась брошенной рядом с кроватью.

Она все в той же лимонной майке. Ее не переодевали, чтобы не потревожить – стянули кроссовки и уложили под одеяло.

Серафима раздраженно подумала, что не муж перенес ее в эту постель. Тот бы грубо скинул ее на кровать, прямо так: в ботинках, поверх одеяла; развернулся бы и ушел, посмеиваясь над женой-неудачницей.

Ей припомнились выходные перед отъездом – тогда Глеб буквально силой заставил ее отправиться в специализированный магазин за снаряжением и одеждой. Конечно, она упиралась, нарочно тянула время. А чего он сам ожидал? Ей

не нужен ни он, ни его гадкие горы. Он – ненормальный, если рассчитывал увидеть ее послушание. С утра она подшучивала над ним, затем подыскивала отговорки. В конце концов, заявила, что сейчас же перезвонит редактору и откажется от задания. Что все равно не поедет. Из упрямства, из гордости. У нее есть право решать за себя.

Но муж больше не поддавался женским капризам. А Сима, разумеется, не позвонила.

Тогда она закатила истерику: бросалась ругательствами, металась и плакала. Она умоляла оставить ее в покое, дать ей жить собственной жизнью, развестись и разъехаться. Глеб молчал, словно каменный, безразличный к ее мольбам, стоический, неприступный. Он хладнокровно выслушал все упреки и оскорбления, но его решение осталось непоколебимым.

От негодования и безвыходности, девушка в ярости замахнулась и влепила пощечину ухмыляющемуся супругу. Удар сам собой получился слева, ведь она же левша. Глеб схватился за искромсанную шрамами правую щеку и злобно воззрился на Симу.

Это был удар ниже пояса. Она поняла это, когда уловила неистовый взгляд. Он мог сделать с ней, что угодно: закричать, прогнать, запереть ее в комнате. Но супруг, вероятно, прикинул, что так будет слишком просто. Не произнеся ни слова, Глеб легко перекинул супругу через плечо. Она была беспардонно запихана в салон автомобиля и через со-

рок минут втолкнута в тот самый магазин, который она отказывалась посещать. Сгорая от стыда, девушка пряталась за стеллажами, опасаясь, что продавец-консультант заметит ее домашние тапочки и голые ноги, едва прикрываемые короткой полупрозрачной пижамой. Два с лишним часа она уклонялась от навязчивых глаз мужчин-посетителей, багровея до самых ушей.

И она уступила.

Муж сам подобрал снаряжение, она больше не пререкалась. Все это время, пока ей приходилось мерять странную одежду, белье, комбинезоны и еще уйму неизвестных приспособлений, Глеб донимал вопросами: «удобно ли тут?», «а тут?», «не стягивает мышцы?», «не мешает ходу движения?». Сима только кивала, не в состоянии произнести осипшими от волнения связками что-нибудь членораздельное. Ей хотелось скорее вернуться домой и закрыться на денек-другой в ванной, чтобы как-то пережить отвратительное унижение, выплакаться до колик и помечтать.

Когда, наконец, она переступила порог дома, тут же помчалась в ванную, заперла за собой дверь и разрыдалась, уже не сдерживая себя. Однако проплакать вдоволь ей так и не удалось – через четверть часа в дверь ванной комнаты настойчиво постучали.

– Серафима, выходи!

– Оставь меня в покое! Я тебя ненавижу! – заорала она мужу сквозь слезы.

– Я два раза не повторяю. Не хочу выбивать дверь, которую сам устанавливал. Поэтому прекращай свои дешевые сцены и отправляйся другую комнату. Я хочу принять душ. Ты сегодня чертовски меня утомила. Совсем разучилась себя культурно вести! Взгляни в зеркало, на кого ты стала похожа!

Она рассматривала себя в чужом круглом зеркальце, позаимствованном с овального столика у соседней койки.

В волосах – воронье гнездо, кожа смятая, майка в пыли, спина и руки измазаны засохшей грязью.

– Да уж, на кого похожа? – вслух произнесла девушка и неожиданно всполошилась. – Который час?

Сегодня их группа должна была двинуться навстречу Белухе. Тогда почему ее не разбудили? Забыли о ней?

Из окна виднелось зеленое поле и густеющий лес вдалеке. Безлюдно.

А что, если муж с отрядом ушли, а ее нарочно оставили в этом заброшенном доме? Без еды и средств связи. О, Боже!

Сердце екнуло, когда скрипнула дверь.

– Доброе утро! Как себя чувствуете? – пропел незнакомый женский голос.

Серафима попыталась быстро спрятать за спиной круглое зеркало, позаимствованное без спроса.

– Да все нормально! Смотрите, сколько хотите! Я вчера говорила с начальником базы. В комнатах нужны зеркала. Сюда, знаете ли, и женщины приезжают, – вошедшая при-

ветливо улыбнулась.

Сима увидела перед собой женщину лет на десять старше ее самой, крепенькую, но не пухлую. Яркий спортивный костюм излишне тесно обтягивал несколько угловатые формы. Выкрашенные в пурпурно-ягодный оттенок волосы добавляли красноты разрумянившемуся лицу. Прямой улыбчивый взгляд говорил о натуре характерной, но дружелюбной, отчего захотелось сразу кинуться к ней с расспросами. Встретились бы они в Москве, девушка и не обратила бы на нее внимания, но здесь, в лесу, эта женщина, возможно, сумеет ей помочь убежать.

– Меня зовут Наталья! Работаю с группой в качестве медсестры. Вас принесли сюда ночью. Судя по всему, вы пострадали от теплового удара. Я предложила оставить вас здесь, чтобы присматривать за вами.

Вот откуда здесь целая аптека! Медсестра...

– Помните, как здесь оказались? – задала она формальный врачебный вопрос.

– Вы обязаны мне помочь! – Серафима быстро подошла к женщине и схватила ее за руку, как бы умоляя. – Отсюда ходят автобусы? Я должна сбежать! Меня насильно сюда привезли! Дайте мне взаймы немного денег! Я должна вернуться в Москву! – лепетала она уже почти со слезами.

Наталья с удивлением оглядывала «пациентку» – та, кажется, не понимала, что говорит. Тепловой удар редко сопровождается бредом, тем более, на следующий день. Очень

странно!

Женщина приложила другую рукой ко лбу Серафимы.

– О чем вы говорите? Кто привез вас насильно?

– Муж! Он где-то здесь! Он заставил меня приехать сюда, чтобы поглумиться! Он меня ненавидит! – с жаром объясняла девушка. – Вы обязаны мне помочь! Пожалуйста!

– Успокойтесь! С вами все будет в порядке! Вашего мужа здесь нет! Никто не желает вам зла! Вы приехали взять интервью для журнала, вы здесь по работе, вспоминаете? – медсестра заговорила с ней мягче, как с душевнобольной. – У нас тут все отличные парни! Вы вчера перегрелись, и теперь вам кажутся всякие страсти.

– Но мой муж... – начала было Сима.

– Он остался в городе! – теперь женщина подталкивала ее к койке.

– Нет...

– Вам нужно успокоиться и отдохнуть! – она авторитетно усадила «больную» в кровать. – Сегодня в долине Аккема сильный ливень, наша группа задержится тут еще на денек. У вас есть шанс хорошенько отоспаться перед маршрутом, – заботливо кудахтала медсестра.

Надежда на спасение вновь разбилась о лед недопонимания.

«Что не скажи, эта глупая курица все равно не поверит! Почему мне все отказываются помогать?» – уныло подумала девушка.

– А где мой муж?

– Я же сказала...

– Где руководитель группы? – исправилась Серафима.

– Внизу. Вы считаете, что он ваш муж? – снисходительно спросила Наталья. – Только ему этого не говорите.

– Почему?! – раздраженно бросила девушка.

– Нет, ну знаете... Это будет как-то... – замялась она. – Я, пожалуй, спущусь к нему. Меня беспокоит ваше состояние.

Вышла.

Серафима откинула одеяло, нелепо подоткнутое под ней, и принялась впихивать ноги в кроссовки. Она сама поговорит со своим мужем. Если тот не хочет сесть за похищение и угрозы, он перестанет играть с ней в бога и отпустит домой.

– Глеб, еще раз тебе повторяю: эта девушка серьезно больна! Ей нужно к врачу! У нее фобии! – услышала Сима под дверью.

Скрип дверной ручки. Муж вошел первым, за ним – медсестра.

– Фобии, говоришь? – сердито выговорил Глеб, откровенно разглядывая супругу. – Что за фобии? – потребовал он ответа у Серафимы. – Что ты ей наплела?

Сима и не думала отвечать. За нее вступалась Наталья:

– Она утверждает, что над ней издеваются. Ее муж.

Девушка не шевельнулась. Она твердо взирала на Глеба. Что он на это скажет?

– Прямо-таки издевается? – наигранно удивился мужчи-

на, не отрывая глаз от супруги. – А что она еще наговорила?

Медсестра немного смутилась, но потом все же произнесла:

– Она считает, что ты – её муж.

– М-м-м? – неестественно протянул руководитель отряда.

– Послушай, я знаю, ты хотел, чтобы о нас написали, но ей точно не следует идти с нами.

– С чего ты взяла?

– Эта девушка бредит! – Наталья все время поглядывала на Симу, видимо, ожидая, что у той начнется какой-нибудь нервный припадок. – Ты же сам говорил, она не замужем!

– Так и есть! – не моргнув глазом, соврал мужчина. – Я знаю, ты беспокоишься за девочку, но поверь, к вечеру она образумится! А если не прекратит гримасничать, мне придется отправить ее на обследование. А у нее с собой ни денег, ни связей, ни документов. Ее уволят с работы, если она не напишет статью! Зачем я буду обрекать девушку на нищету? Она прекрасная журналистка! Пишет живо и образно! Я читал одну из последних ее статей – необыкновенный авторский стиль! Я не мог оторваться! – в его внешне нейтральных фразах сквозило ехидством.

Откуда в этом сдержанном прямодушном человеке столько жестокости?

О какой статье идет речь? Это обыкновенные авторские рецензии на спектакли!

Однако он не хочет раскрывать факт его связи с ней... Ко-

нечно, во враждебном городе среди потенциальных недоброжелателей мужа она уже привыкла к правилам конспирации. Но ведь здесь его... друзья!

Она не могла знать, почему он так поступает, но теперь у нее появилась козырная карта против супруга. В конце концов, это он играет нечестно! А она с самого начала не хотела играть.

– Оставь ее, Наталья! Пусть ее писательские фантазии останутся с ней! – обратился он к женщине невозмутимо. – Ей повезло, что сегодня непогода в долине, она успеет о многом подумать, в том числе о будущем материале. Ей нужно сосредоточиться! Пойдем лучше вниз, чай готов!

Мужчина прикрыл дверь за собой.

– Ты какой-то... Сам на себя не похож! Зачем ты так с нею? – услышала Серафима отдаляющийся голос Наташи.

Девушка зашагала по комнате, точно лев по запертой клетке. Чувство обиды за несправедливость распирало ее изнутри. Глеб предусмотрел верный способ исключить неудобные вопросы к «больной». Никто не захочет слушать молоденькую журналистку с развитым писательским воображением. Она попала в собственную ловушку.

Сима рухнула на постель и остервенело забарабанила по подушке. Она не хотела верить, что ее так легко обвести вокруг пальца. Муж распоряжается ей, как марионеткой: он дергает нитку, она выплясывает ему реверанс. Иначе все потеряет.

«Лучше я останусь и умру с голоду здесь, в этой комнате, чем всю жизнь буду петь под его дикарскую дудку!» – пообещала себе девушка.

После обеда она, вконец измучившаяся от жажды, нарушила зарок и покинула чердачную комнату медсестры.

Деревянная лестница в два широких пролета спускалась по внешней стене двухэтажного коттеджа. Единственный путь до твердой земли вел по хлипким прогибающимся ступенькам. Шаг за шагом, медленно преодолевая лестницу, девушка трусливо цеплялась за бревенчатые перила.

– Так ты и до завтра не спустишься! – засмеялся Андрей. – Очнулась, наконец? Принцесса.

Серафима решила ничего ему на это не отвечать. Она сосредоточилась на ступеньках.

– Да ладно тебе! Серьезно? Боишься? А как же ты с нами пойдешь? За каждую ветку цепляться станешь?

– Стану! – буркнула девушка.

Андрей нахмурился.

– Давай руку! Ничего страшного, видишь? – лестница содрогнулась под ним, но он уверенно поднимался. – Эх, принцесса! Чего тебе дома-то не сиделось?

– Это турбаза, верно? Здесь можно раздобыть кофе? Очень хочется пить! – ушла от вопроса Серафима.

– В общей комнате есть чай в пакетиках и кипяток.

– В пакетиках? – она была разочарована.

– Кофе можно взять в ресторане, вон в том домике через

поле, — он указал пальцем на рубленое одноэтажное здание метрах в двухстах от нее. — Чашка капучино — пятьдесят рублей.

Девушка на секунду застыла.

«Кошелек...»

— Я, пожалуй, обойдусь кружкой чая.

— Неужели так мало платят нынче писателям? — подшучивал он над ней.

— А тебе какое до этого дело?

— Ты всегда такая злюка? Или когда не хватает на кофе?

— Ну, нет у меня карманных денег! И я не злюка!

— Еще какая! Пойдем, куплю тебе твой кофе! Только не кусайся, — насмешливо ответил он ей.

Сима не тронулась с места.

— Да ладно тебе! Не надо хмуриться! Я просто так это сказал! — примирительно улыбнулся мужчина. — Не будь злюкой!

Девушка сделала шаг навстречу.

— А где остальные?

— Спят или гуляют.

— А Глеб?

— Бегает.

«Как обычно!» — подумала Сима. — «Или на скалодроме, или на дорожке, или в посольстве — в очереди за визой».

Туристическую базу «Высотник» окружала тесная еловая чаща. Над ней по глади лазурного неба скользила пухлая ту-

ча, устремляясь с подмогой в долину, где на горные редколесья уже проливалась прозрачная ливневая кровь. Грозные силы бесчинствовали на юге, горланя раскатами грома. Отправляться сегодня туда – безумие, поэтому отряд все еще здесь, в безопасности, далеко от небесных ударов по мягкой алтайской степи.

– Обещали, что завтра гроза прекратится. Надеюсь, мы не застанем дожди.

– Так близко. Кажется, прямо над нами, – девушка замороженно смотрела вдаль.

– За долиной – высокие хребты. Там у подножья скапливаются тяжелые дождевые облака, а с гор, в то же время, спускаются теплые воздушные течения. Они сталкиваются, образуя сильные грозы. В июле такое нередкость.

– Откуда ты все это знаешь? – не смогла сдержать восхищения Сима.

– Он не первое лето уходит в долину, – отозвался низкий голос из-за спины. – Не зная характер погоды – обрекать себя и других на верную смерть.

Обезображенный зрачок главного проводника всматривался в девчонку.

– Иду поить нашу принцессу чашечкой горячего кофе, – улыбнулся другу помощник. – Хватит с тебя беготни на сегодня, пошли с нами! – легковерно зазывал он.

Серафима недовольно скосила глаза на Андрея.

– Нет, она отправится в дом. Там есть чай!

– Эй, ты чего такой хмурый? Принцесса не любит в пакетиках! – засмеялся Андрей.

– Пока она под моим присмотром, ей придется смириться с пакетиками. Как, впрочем, и со всем остальным, – Глеб был очень серьезен.

– У-у-у! Какие мы строгие стали! Что случилось, дружище? – передразнил его первый помощник.

Проводник не обернулся.

Серафима ощутила легкий толчок в спину.

– Идем в дом!

В гостиной их ожидал большой закипающий самовар.

Маленькое фойе на первом этаже коттеджа служило гостиной для трех примыкающих к нему жилых комнат. Интерьер был полностью оформлен из дерева, ярко-рыжего из-за лакового акрилового покрытия.

«Как в дешевой сауне для любителей повеселиться», – лопалась от злости Серафима, отхлебывая невкусный пакетированный чай.

Поверхность деревянного настила испещрялась узкими трещинами между лентами половиц, разохшимися от времени и перепадов температуры. Пара окон с искусно вырезанными рамами легко пропускали дневной свет даже сквозь блеклый налет на стекле. Однако главный проводник все равно включил освещение, чтобы каждый мог разглядеть карту, развёрнутую по центру прямоугольного обеденного стола. Все уселись на бревенчатые скамейки с высокими

спинками из широкой доски.

Руководитель отряда привстал над общим столом.

– Хорошо, что мы смогли собраться здесь полным составом. Ну что ж, начнем! Уверен, вы уже запомнили имена друг друга, но хочу, чтобы мы познакомились ближе с каждым. Понимаю, что говорить о себе в положительном ключе всегда неудобно. Однако другим важно знать, с кем он идет в связке, на кого полагается и кому сам подает руку помощи. Без командного духа в горах делать нечего – это, я думаю, понимают все. Предлагаю поступить следующим образом: я расскажу, что сам видел или слышал о каждом из вас, а другой дополнит, если я упущу что-то важное или интересное. Как вам мое предложение?

Головы энергично закивали в одобрении.

Серафиме никак не удавалось выудить взгляд фотографа. Она сидела у другого конца стола, на углу, рядом с мужем. Конечно, попытайся он встретиться глазами сейчас, то, скорее всего, напоролся бы на физиономию Глеба. Однако в тот момент, когда ей так одиноко среди этих посторонних людей, она мысленно заклинала его подарить хотя бы одну ласковую улыбку поддержки.

Проводник долго разглагольствовал над всеми о чем-то. Награды... Дважды покорил какую-то гору... Бродил у подножья такого-то вулкана... Знаком с легендарно-известным спортсменом...

Сима и не думала вслушиваться. Кому есть до этого дело

кроме их же самих? Горстка душевнобольных человечков... Эти люди тратят огромные деньги на снаряжение, бросают семью, рискуют жизнями ради эфемерной победы над горной породой. На них бы пахать, а им за это вручают медали...

Абсурд! Как нелогично устроено общество!

От напряженного взора у нее заслезились глаза.

Почему он не смотрит? Оставил ее? Разлюбил? Быть не может! С его стороны это было бы слишком жестоко! Представить невозможно!

– А эта юная девушка... – не дождавшись реакции на его объявление, Глеб поднял супругу с деревянной скамьи.

«Ах», – тихо вскрикнула Серафима – ее словно подбросило в воздух.

– ...наш собственный корреспондент! Замечательная журналистка и, несмотря на молодость и легкомысленный нрав, безусловно, умеет писать на серьезные темы очень выразительным языком. Однако, увы, она обладает одним существенным недостатком...

Все внутри у нее замерло в ожидании неминуемой катастрофы. Сейчас он расскажет такое...

– ...ей ни разу не приходилось оказаться в лесу. Большинство здесь со мной согласится: это чудовищный недостаток! – Глеб беззлобно оголил ровные зубы в коротком смешке.

Альпинисты заулыбались. Сима раздражено обернулась на мужа.

– Убедительная просьба к вам, друзья мои: если милая Серафима обратится за помощью или поддержкой, будьте командой – пойдите навстречу, покажите, как и что делается, не скупитесь на советы. Постараемся, чтобы гостям из московской редакции было комфортно с нами.

Мужчины, усевшиеся напротив, предприимчиво закивали.

– Андрей? Соят? – повернулся к каждому из них руководитель.

Китаец чуть кивнул другу в ответ.

– Да не беспокойся ты! Сбережем мы нашу принцессу! Как же мы без нее? – задорно выпалил первый помощник.

Серафима подняла голову на Андрея.

Очередной дурацкий сарказм? Или он все же серьезно?

Мужчина посмотрел на нее... и доброжелательно подмигнул. Девушка удивленно моргнула, а затем... ослепительно улыбнулась – в награду за предрасположение.

Легкий флирт, невинные жесты симпатии... В этом нет ничего противозаконного! Глеб объявил ее незамужней – сам попался в натянутые силки.

– А про себя расскажи! – обратился к главному один из туристов.

– Про меня вы, полагаю, знаете достаточно. К чему лишний раз тратить слова? – отмахнулся мужчина.

– Давай-давай! – поддержали того остальные.

Лицо проводника изрезала несмеющаяся улыбка. Коллек-

тивная просьба поставила его в неловкое положение. Он не стеснялся говорить о своих маршрутах, но хотел избежать вопросов о трагедии при спуске, прогремевшей по всем новостям.

– До двадцати семи лет успел подняться на десять из четырнадцати вершин-восемитысячников. Был на всех континентах: от Арктики до Южного Полюса – везде находил свои вершины. Дважды поднимался на Джомолунгму. Покорил все семь самых высоких гор нашей страны, за что и получил почетное звание и значок «Снежного барса». Открыл свой бизнес и последние четыре года возглавляю группы путешественников и альпинистов – помогаю другим покорять высоту. Организую траверсы различной категории сложности. Недавно вернулся с Аляски, до этого был на Килиманджаро...

Девушка представила себе образ Килиманджаро.

«Интересно, как это – побывать на африканском вулкане?» – захватывающая картинка рождалась у нее в голове. – «Тысячи километров саванны до самого горизонта. Экзотические животные, горячий ветер свободы...» – она рисовала в голове вершину древнего кратера и неожиданно поймала себя на мысли, что не испытывает отвращения.

– А что будешь делать с оставшимися восьмитысячниками? Когда собираешься покорять остальные?

– Не собираюсь. Я больше не выхожу за границу семи тысяч метров, – его голос скатился на угрожающе низкие по-

лутона.

– Что?! Но почему?! – словно пули, засвистели вопросы.

– Ладно вам, ребята! Совсем засмущали нашего старину, – Андрей потрепал Глеба по плечу. – Давайте, не будем застрегивать личное. Это выбор человека. Красота высочайших пиков может свести с ума. Рано или поздно в жизни любого альпиниста наступает момент, когда приходится делать выбор между этой красотой и собственной жизнью.

Глеб обратил внимание на Серафиму: она отрешенно разглядывала поверхность стола. Ее живое лицо покрывалось бледными пятнами.

«Что ее напугало?» – неприятно подумалось руководителю группы.

Он давно заметил следы темных разводов земляной пыли вдоль незагорелых рук и кожи на шее. Майка пропитана потом и меловыми подтеками от воды из ручья. Девушке стоило переодеться, пока не началось раздражение из-за всей этой грязи.

– Наташа! – негромко позвал мужчина.

Они быстренько перешепнулись между собой, после чего медсестра тихонько подошла к Серафиме.

– Эй, не спи на ходу!

Серафима вздрогнула и обернулась:

– Я не сплю, – заморгала она, не сразу разглядев, кто стоял перед ней.

– Скоро вечер.

– И что?

– Посмотри на себя! Чумазая, как хрюшка, – очень тихо объяснила ей женщина, и глаза ее задорно блеснули.

Серафима поджала губы от неудовольствия.

– Давай поднимайся – идем в баню мыться и стирать.

Они вошли в бревенчатый предбанник с крохотной форточкой под потолком. Серафима ожидала учуять вонь подвального помещения. Но в воздухе висел аромат моченого дерева и капель смолы, просочившихся в щели соснового шпона.

Предбанник едва освещался уличным светом. Днем электричеством здесь не пользовались. Странная особенность... В селе есть фонарные столбы, и на территории базы – тоже. Однако здесь чувствовалась некая предубежденность против современной цивилизации. Вещи, люди, правила поведения – все здесь складывалось в общую незримую волну трепета перед стихиями и строптивой царицей-Белухой. Суеверия местных передавались приезжим гостям.

«Именно строптивая! Все они такие, эти горы», – раздраженно подумала Сима. – «И муж, и эта медсестра с образованием – они верят, что Белуха способна прочесть их мысли!»

– Раздевайся! – скомандовала Наталья, как рядовому командир.

«Вот так просто бери и раздевайся перед ней!»

– А вы? – растерялась девушка.

– Я с утречка проскочила, после итальянцев, – женщина

втащила два больших пакета с одеждой и повернулась к Серафиме. – Они такие смешные, эти иностранцы: боятся русской бани, но все равно охота попробовать, как моется русский человек. Сначала просили жару побольше, а потом еле ноги унесли. От горячего пара, да с непривычки, сосуды так распирает, что на ногах не удержишься. Теперь спят, наверное, как младенцы, – Наталья по-матерински широко улыбнулась.

Сима на мгновение прекратила расстегивать кофту.

– Я тоже ни разу не ходила в баню. Я тоже... не удержусь? – она испуганно глядела на медсестру.

Та расширила глаза от изумления, потом весело рассмеялась.

– Обделил тебя город! – шутливо пожалела Наталья девушку. – Не переживай: жар давно сошел.

Не успела Сима обидеться на снисходительный тон, как женщина отворила дверь в светлую баньку и направилась к бочонкам с водой.

– Еле теплая, но ты сможешь помыться. Нам надо пошевеливаться. У нас еще полно стирки. Глеб велел передать тебе этот пакет, – Наталья указала на большущий целлофановый мешок с бельем. – Сказал, что ты постираешь. Замочим вещи здесь в тазу, затем прополощем в реке.

Серафима негромко застонала в отчаянии.

– Стирать, надеюсь, умеешь?

Глеб решил немного пройтись. Он старался оправдать это

свежим воздухом и роскошным видом с берега полноводной реки Катунь, но в глубине себя знал, что тянуло его сюда, и ничего не мог с этим поделать.

Ему легко удавалось скрывать от других, что с девушкой его связывает не только эта поездка. Но внушить самому себе... Нет, он не смог бы себя долго обманывать!

Уязвленная гордость хранила отпечаток пощечины на изувеченной правой щеке.

Как там говорят: «вазу не склеишь»? Может, все-таки стоило подать на развод? Они уже раздробили свой кувшин на черепки.

«Не склеишь»... «вазу».

Но семья не кусок глины – ее не выбросишь на помойку, как разбитый сервиз.

Глеб всмотрелся в край берега. Две женские фигурки полоскали одежду. Наталья, видимо, тоже занималась большой стиркой: красно-синие штаны уже сушились на ветвях кустарника – Андрею снова было лень пойти и простирнуть свой костюм.

Но мужчину интересовала вторая, более хрупкая фигурка, по колено утонувшая в зеленоватом потоке быстрой реки. Поясница нещадно сгибалась под тяжестью мокрой черной ткани. А затем тело поднималось, и она выжимала увесистое полотно – его олимпийка.

Он представил себе, как накрахмаленные пальчики его жены покроются краснеющими волдырями, спина занает,

а в голове родится мысль, что не все в жизни дается за красивые глаза.

Она здесь, потому что на то есть причины.

Испорченная девчонка – с детства избалована комфортом. Была ли еще надежда... успеть выбить из нее залежавшуюся пыль самомнения, содрать копоть наглости, показать ей истинную цену вещей? Может быть. Здесь не город, где всегда к ее услугам стиральная машинка, ванна и плита. Тут все иначе.

Небольшая фигурка выпрямилась и подтянула руку к глазам.

Глеб понял: она заметила его. На изуродованном лице появилась кривая усмешка. Он знал свою жену и легко прочел ее мысли. Она стояла далеко, но он чувствовал, как проклятия сыплются ему в спину. Глеб поворачивал к базе, утопающей в полыньи догорающего заката.

Завтра они отправятся в путь.

Белуха – зеркало.

Время покажет, что скрывается за маской спеси и высокомерия: павлиний хвост с куриным гузном или...?

Ужином в местном ресторанчике отмечали свое прибытие две команды.

После кусающих березовых веников и адского жара в крошечной баньке, русский отряд во главе с главным проводником первыми отвеживали «кан» – местную кровяную колбасу из барана, и крепленую настойку из алтайских ягод и трав.

Команда итальянцев очень скоро к ним присоединилась.

Серафиме вовсе не хотелось спускаться – не было сил даже сидеть. Распухшие пальцы не гнулись, ноги все еще помнили сводящий мышцы холод воды.

Нет! Она останется в комнате. Ей не хватит воли даже оторвать голову от подушки, а, тем более, есть за одним столом с мужем, сдерживаясь...

«...чтобы не съездить ему по лицу на глазах у других! Левая так и чешется!»

– Наталья, принеси мне, пожалуйста, чего-нибудь со стола, – жалобно простонала Серафима. – Пусть Глеб заплатит за мой ужин!

– Не собираюсь я ничего сюда тащить! Вставай! Ты не при смерти! – возразила ей медсестра, тщательно разглядывая себя в маленькое зеркальце.

«Господи! Она собирается, словно на официальный прием!» – с раздражением подумала девушка.

– У меня все болит! Я два часа проторчала в ледяной воде и не чувствую ног! – продолжила она свои жалобы.

– Я тоже там была! Вода просто отличная! Ну, потрудились чуть-чуть, и что с того? Хватит кукситься! Пошли вниз! – она в очередной раз перевязала цветную косынку на голове. – Ты со мной?

Сима надула губы. Все с ней обращаются, как с недотепой. Она руки в кровь стерла, промерзла до костей, один раз провалилась в рывтину на дне, едва не захлебнувшись со страху,

а в ответ – смешки. И никому нет до нее дела!

– Я спущусь позже.

– Ну, как хочешь! Глеб сказал, чтобы я привела тебя. Передам ему, что ты не хочешь. В конце концов, он твой муж, пусть сам и уговаривает тебя встать с постели, – ее глаза язвенно заблестели. Она была довольна собственной шуткой про их с Глебом семейную пару.

Сима злобно покосилась на женщину, поддевшую ее сильнее, чем та предполагала. Если Глеб явится сюда, то снова будет смеяться над ней и запретит даже думать о возвращении. Она не хочет опять пройти через это унижение.

«Пусть наслаждается своими глупыми шуточками, раз ее это так веселит!» – решила для себя Сима.

Она не станет реагировать на каждую мелочь.

«Две недели...» – сладко подумала девушка.

Пройдут эти две недели, и они придумают, как избавиться ее от замужества с проклятушим тираном.

Не смотря на отсутствие поддержки со стороны Сергея, она все же продолжала утешать себя мыслями, что он где-то рядом. Они виделись несколько часов назад, но встреча их была более чем холодной. Он делал вид, что не замечал ее... Конечно, они договаривались: им нельзя выдать себя! Но как же она желала увидеть его сейчас, броситься на шею и поплакать!

Где он сейчас? Почему он ни разу не поднялся к ней? Не попытался поговорить? Найти какой-нибудь способ вы-

разить, как он скучает...

«Он рядом!» – напомнила себе девушка и резко встала. Она не доставит удовольствие Глебу. – «Пускай эта клуша смеется!».

– Журналисты все такие серьезные? Или ты у нас принцесса из Несмеян? – поддел Серафиму помощник Андрей.

Скучающая Сима апатично толкала вилкой дольку картофеля. К тому времени, когда она все же спустилась, проголодавшиеся после жаркой бани мужчины расхватили большую часть еды на закуску и, уже хмельные, бурно спорили на излюбленную походную тему. Наталья, раздумывая от тепла и выпитой рюмки, негромко болтала с фотографом в дальнем углу. Обычно очень уверенный и энергичный, Сергей был отъявленным «заправлялой» корпоративных вечеров, но сейчас... застенчиво улыбался и покорно отвечал на вопросы слегка подвыпившей медсестры.

И опять он старательно делал вид, что не замечал Серафиму. Они оба вынуждены играть по правилам... правилам ее мужа.

«Мы, как овцы, смиренно идущие на заклание!» – сердито взглянула на любовника Серафима.

За соседним столом Глеб оживленно переговаривался с широкоплечим кавказцем. Тот больше напоминал профессионального борца, однако, судя по всему, являлся переводчиком и руководителем делегации итальянцев.

«Интересно, как они отыскивали проводника, говорящего

по-итальянски?»

За «русским» столом мужчины рассуждали и спорили о деревянном укреплении в лесу. Сима попыталась уловить линию разговора.

– ...Бросок оставляешь прямо так, не замазываешь!

– Не, надо смолой! А если дождь?

– Говорят тебе...

– А вы знали, что деревянная стена толщиной в тридцать сантиметров может защитить от излучения при ядерном взрыве? – громко объявила она.

Все разом обернулись. На лицах изображалось крайнее удивление. Словно домашняя кошка вдруг заговорила на человеческом языке. Потом один прыснул в кулак, и вся компания дружно рассмеялась. Все это... потому что она сморозила какую-то чушь. Даже Сергей озадаченно поднял брови.

Глеб смерил жену неодобрительный взглядом.

«Гоблин!» – выругалась она про себя, обращаясь к ненавистному мужу.

Сделав над собой усилие и запихав в себя несколько долек золотистого обжаренного картофеля с зеленью, Сима уже не чувствовала голода... как, впрочем, и желания оставаться внизу с общей компанией. Среди этих людей ей было очень одиноко.

– Ты чего кислая такая? – обратился к ней первый помощник.

Серафима ощутила, как разглаживается переносица. Зна-

чит, она давно сидела, нахмурившись, обнажая мрачный настрой.

– Я... я не знаю. Устала, наверное, – произнесла она, чувствуя неловкость.

– Понятно, – не поверил Андрей.

– Мне неуютно здесь. Все какие-то чужие, – призналась она. – Никто не хочет со мной разговаривать.

– Это неправда! Попробуй сама начать беседовать!

– Уже пробовала!

– Да, твоя блестящая реплика... оказалась очень кстати! – его рот скривился в усмешке.

– Ну тебя! – обиженно отмахнулась девчонка. – Не стану я себя навязывать! И говорить больше не хочу!

– Даже со мной?

Сима вновь уловила теплый блеск во взгляде Андрея. Видимо, Глеб ничего ему не сказал, раз его друг присел рядом.

Хотя этот мужчина был совсем не в ее вкусе: заурядное простое лицо, слишком неуклюжие черты лица, толстая шея – однако он заговорил с ней, поддержал, и она была ему благодарна за это.

– Тебе налить? – Андрей показал на кувшин с настойкой.

– Да, интересно попробовать.

Беседа складывалась непринужденно. Он задавал вопросы, она рассказывала про себя.

– Забавная история! – заключил Андрей после ее монолога. – А ты необычная девушка.

– Предпочитаешь обычных?

– Нет. Я просто не думал, что ты бываешь такой.

– Какой? – Сима изобразила самую невинность. Ей страшно хотелось узнать, что он имеет ввиду.

Он как-то странно посмотрел на нее.

– Ну... – он осекся. – М-м-м... Забавной! – нашелся мужчина.

– А, – разочарованно протянула она.

– С тобой, оказывается, вовсе не скучно.

– Ну, ты же хотел поговорить, – девушка снова ему обворожительно улыбнулась.

Громкий оклик раздался из-за спины. Глеб позвал своего помощника.

«У-у-у! Это он специально!» – Серафима пилила глазами супруга.

Сима предполагала, что Андрея приглашали присоединиться к беседе с итальянцами. Она ошиблась. Неожиданно соседний стол зашевелился – вторая команда расчищала веранду от мебели.

– Что они делают? – обернулась к альпинистам девушка.

Остальные, как и она, с любопытством наблюдали за слаженными действиями иностранцев.

Серафима вслушивалась в отрывочные английские фразы, но едва ли могла перевести пару слов – чужой язык всегда давался ей с огромным трудом, как в университете, так и в школе. Надежда что-либо понять быстро утратила смысл.

Когда внезапно исчезнувший Андрей появился с рыжей гитарой и губной гармошкой в зубах, стало ясно, что гости из Италии привыкли отдыхать, танцуя.

Итальянский гитарист ловко перебирал струны, заставляя маленькую пеструю гитару сладко петь под его смуглыми руками. Тут же хриплая губная гармонь, оживающая в ироничных губах Андрея, изо всех своих сил норовила отобрать право соло. Где и как помощник научился мастерски импровизировать, никто точно не знал, однако дуэт русского и итальянца получался удивительно слаженным.

Сима окончательно выдохлась, отплясав одиннадцатый по счету танец с очередным Антонио или Гаспаро. Наталья и две другие девушки-официантки полевого ресторанчика тоже силились отдышаться после бойкого сальтарелло – так, кажется, называлась композиция.

– And now let me show you how to dance in my homeland, – громко провозгласил жилистый кавказец и принялся давать инструкции музыкантам.

– Что он сказал? – попросила перевести Сима немолодого альпиниста, Игоря, сидящего к ней ближе всех.

– Он исполнит танец своего народа.

Мужчина застучал ступнями до доскам, и народ дружно захлопал, одобряя представленное.

«Эхха!» – кричал он в сотый раз, меняя направление и подскакивая на месте.

Горец вытянулся в струну, и танец кончился. Раздались

дружные аплодисменты.

– Можно мне попробовать? Я тоже хочу станцевать! – Сима вскочила со скамьи, и шагнула к центру зала. – Можно я исполню танец?

Она сама не поняла, зачем она это делает. Она со школы не занималась. У нее ничего не получится!

– Андрей, переведите кто-нибудь, что сейчас будет Русский танец!

– Тебе кадрили или камаринскую? – раздался насмешливый голос из зала.

Отовсюду послышался уничтожающий смех.

– Эй, Серафима! – полупшепотом подозвал ее первый помощник. – Что ты задумала?

Не было времени объяснять.

– Ты же можешь что-нибудь из народного? Сначала медленное, потом поприбавь! – она не собиралась больше отступать от себя.

Девушка сбросила толстокожие кроссовки и осталась босиком, не считая тонких светлых носков. В лосинах и в поношенной мужской футболке она застыла посреди веранды сельского ресторана, готовая в любой момент вступить в такт музыки.

Вероятно, Андрей растерялся и не знал, как начать, потому что тишина затянулась, и люди начали терять остатки терпения.

«Нет, я должна это сделать! Иначе окончательно переста-

ну верить в себя! Ну давай же, Андрей! Где ты там?!»

Вопреки неверию зрителей, губная гармошка подала-таки голос, и незнакомая томная мелодия наполнила импровизированный концертный зал. Невозможно было определить, чем именно вдохновлялся гармонист, на ходу сплетая пряжу мелодичного полотна. Напев слегка напоминал русскую народную «Березку», но музыкальный лад постоянно трансформировался, сдвигаясь то в одну тональность, то в другую.

Девушка поднялась высоко на носочки. Обойдя завороченных зрителей по кругу, она слегка наклонилась вбок и сложила руки в фигуру, прижимая указательный палец к щеке.

Она действительно сейчас напоминала русскую красавицу-девицу. Сошла капризная маска пренебрежения, и расцвела на лице широкая улыбка.

Объятья рук то плавно раздвигались навстречу зрителям, то смыкались, скромно приютившись на талии. Грациозно взмывали вверх белые крылья тонких запястий. Мелкими плавными шажками она словно плыла по веранде, двигаясь лишь на кончиках пальцев ног.

Итальянцы вытянули загорелые шеи, желая разглядеть юную русскую танцовщицу со всех сторон. Ни у кого не осталось сомнений, что перед ними настоящая балерина.

Два изогнутых круга восьмерки по залу, и девушка застыла на месте, чередуя ноги и качаясь на полупальцах, отчего тело мерно и едва заметно вибрировало, как легкая вол-

на на поверхности озера. Соединяя руки в балетное «по де бра», девушка грациозно засеменила назад, в глубину искусственной сцены.

Вдруг лебединая песнь превратилась в русский трепак, старинную двудольную пляску, задорную и быструю, когда, уступая велению души, сразу хочется пуститься впрысядь.

Удалая музыка подбросила балерину в высоком прыжке и закружила один за другим тугие узлы бешеных пируэтов. Шелковая косынка соскользнула с медовых прядей волос, но была поймана за хвост уголка и превратилась в антураж задорного танца. Пряные локоны расплескались по выцветшей ткани футболки, присоединяясь к необузданному веселью.

Пяточка – носочек, пяточка – носочек, и снова дерзкий поворот в красивом прыжке. Как из музыкальной шкатулки позапрошлого века, она напоминала хрустальную фигурку балерины, замершей во взмахе кукольных ступней – такой изящной казалась она в эти мгновения.

Притоптывая кончиком стопы за собой, она понеслась в запальчивом ритме кадрили, увлекая за собой взоры восхищенных мужчин. Рука с косынкой взлетела над телом и тут же бросилась к груди, где колотилось сердце взволнованной балерины.

Виртуозная мелодия быстро накалялась к финальной коде. Бег легковых ног переходил в пламенные прыжки с разворотами. Наполненная жизненной радостью музыка

стремилась к безудержному апогею. Вот гармошка хлестко провизжала колоратурно-высокую ноту, и девушка распахнулась в «гранд жете», на секунду застыв в широчайшем шпагате в полутора метрах над полом. Казалось, она больше не коснется земли. Музыка оборвала свой кураж на итоговой ноте, и балерина рухнула в низком поклоне перед возбужденными поклонниками азартного русского танца, захватившего душу каждого присутствующего сегодня здесь.

Андрей не знал, чему больше он удивлялся: своей чародейке-гармошке или искусному танцу новоиспеченной приятельницы.

Итальянцы громко зарукоплескали танцовщице, покорившей их необыкновенной чувственностью древней славянской пляски. Вскоре их догнал оглушающий свист команды русских альпинистов, одобряющих нечаянный талант соотечественницы. Сама того не осознавая, девушка дотянулась до тончайшей струны гордости за милый край в душе каждого русского человека. И юная журналистка показалась им, что ни на есть, самой родной, как олицетворение их страны, их характера и достоинства русской нации. В тот вечер она была символом русского духа, непостижимого для чужого ума!

– Ты... совсем другая в танце! – шепнула ей Наталья.

Серафима застенчиво улыбнулась.

Ей удалось! Лед мучительного пренебрежения начал подтаивать, и люди потянулись к ней, как железки к магниту.

– Эй! А ты не говорила, что можешь дотянуться до челюсти пяткой! Черный пояс по карате? – постепенно ехидство возвращалось к первому помощнику.

– Танцевала еще в школе, – пропустила мимо ушей его шуточку Серафима. – Где научился так здорово играть на гармошке?

– В армии, – гордо заявил он.

Сергея душила толстая жаба ревности.

Его маленькая возлюбленная занималась балетом? А он узнает об это только сейчас!

Сергей лелеял мечту прижать свою пылкую любовницу в тени какого-нибудь сарая. Она так ослепительно улыбалась итальяшкам, но ни разу и не взглянула на него! А теперь завела дружбу с этим шутом, первым помощником, словно забыла, что он еще здесь! Здесь! Из-за нее!!!

«Хулиганка!» – чиркнул он глазами по вожделенному телу.

Нет, он не сможет на нее долго обижаться! Такая волнующая, знойная и прекрасная... эта его интриганка. Бесстыдница!

Ее муж сидит совсем рядом. Но она предпочла дрыгать ножками на глазах у него перед иностранцами и своим новым приятелем. Ха! Она еще бессовестнее, чем ему показалось в тот вечер, когда она сама отдалась ему прямо на полу.

Бессовестная – да! И, вместе с тем, еще более сладкая, соблазнительная и желанная в этот вечер. О, как хотел он

ее сейчас! Она заставляла его сильнее предвкушать их будущую встречу. Он покажет ей, что означает месть за те минуты ревности, пока он был вынужден наблюдать ее пленительный флирт с другими мужчинами, в то время как он не может позволить себе дотронуться до ее кожи лица, расpalенной дивным танцем. Он знает ее прелестные слабости и накажет ее за опасное расточительство его чувств!

Глеб испытующе наблюдал за снующими глазами фотографа, и его мутило от жадного блеска во взгляде этого типа. Однако, как ни странно, он чувствовал злость исключительно на себя. За бессилие перед обстоятельствами, за инертность по отношению к собственной семье. Это он упустил момент.

Мужчина перевел глаза на улыбающуюся супругу.

Серафима когда-то сказала ему, что ненавидит балет, ненавидит все, что связано с этим словом. Много лет назад она танцевала и мечтала выступать на сцене театров. Но в старшем классе ее, как приму студии, лишили главной роли. Она оставила балет, как и грезы о театральных подмостках. Выбросила атласные пуанты. Жена рассказывала, что это были самые тяжелые месяцы в ее жизни. По ночам она горько плакала от обиды. А потом разозлилась. Сильно. И за четыре месяца до выпускных экзаменов засела за учебники, после чего без труда поступила на журфак главного московского университета.

Она умеет сердиться. По-настоящему. Без соплей и жен-

ских истерик. А так, что даже время попятится назад, не рискнув оказаться затоптанным под ее каблуками.

Она по-своему альпинистка: ставит заоблачную цель и добивается. Когда-нибудь это качество приведет ее к вершине карьеры.

Вряд ли ее ухажер догадывается об этом. Она сильнее, чем ему кажется. Чересчур своевольная, необузданная и упрямая. Порой слишком приторная, а иногда зубы сводит от горечи... Нет, он не справится с тяжелой ношей ее страстей.

Глеб старался не смотреть, как она танцевала. Блистательная... горящая изнутри. Она сбивала его с толку. Ему захотелось обнять ее, как раньше. Целовать, нежить, любоваться этими самыми юркими ножками. Но он обещал себе, что будет рассуждать трезво. Ему необходимо обдумать складывающееся положение. Его семья на грани раскола. Он практически потерял ту прежнюю Симу, которую безумно любил. Ему предстояло принять серьезное решение, и поэтому она здесь.

Тринадцать дней. Заветное число. Они и покажут, что на самом деле его жена скрывает под ненавистью.

Глеб знал, зачем ей этот притворно-ласкающий взгляд. Его не волновал откровенный флирт. Все это глупости. Она думает, что играет с ним, и надеется выиграть. Но тут его шахматная доска, его правила. Она идет королевой и толкает себя на шах против собственного короля.

Если она не отступит... он поставит ей мат. Он тоже умеет

злиться.

Ресторанчик почти опустел. Завтра выход, и был отдан приказ расходиться.

Серафима уже пятый раз танцевала с одним итальянцем. Он настаивал, и она уступила. Впервые с начала злосчастной поездки она чувствовала себя нужной. Пусть это был и совсем незнакомый ей чужестранец. Танец закончится, и они разойдутся по своим спальням, распрощавшись уже навсегда.

Пора по домам.

Сима оглянулась. Они остались одни. Гитарист, зевая, скрылся в темноте.

– Гуд бай! – обратилась она к итальянцу.

Тут он быстро защебетал ей на родном итальянском, а затем прижал к груди ее руку. Фразы получались страстные и мелодичные, точно он клялся ей в вечной любви.

– Инглиш! Плиз! Инглиш! – растерялась она.

Кажется, тот понял ее просьбу и затараторил на «инглише», так же скоро и неразборчиво, будто щелкнул скрытый переключатель языка. Слова выстреливали пулеметной очередью, а затем крошились в фильтре ее подсознания. Сима ничего не могла разобрать.

– Стоп! Сто-оп! Ай вонт гоу хоум! Хо-ум! – громко объяснила она ему, точно глухому. – Я устала и хочу домой!

– Но, но, но, но... – и снова засуетилась итальянская скороговорка.

Девушка не придумала ничего лучше, как вырвать руку. Но мужчина удержал ее. Вдобавок он вцепился в правый локоть Симы, грозя поцелуем.

Она в конец растерялась. Судорожно откапывая в памяти остатки знаний английского, Серафима проклинала себя за то, что не учила, как следует, иностранные языки. Она порывалась сказать ему нечто дерзкое, но не находила слов. Ругательства на русском странным образом только поощряли его нахальное поведение.

– Пью фачиле, амиччо! Куэста рагацца нон вуоле венирэ кон тэ! – слышало из-за спины.

Серафима не верила своим глазам: ее муж здесь!

Итальянец повернулся к высокому русскому. Они яростно заспорили. Вдруг итальянец трусливо повернул голову и резко отступил от девушки. Он раскланялся перед Глебом и бросился пожимать ему руку.

Сима нечего не понимала.

Иностранец скорым шагом покинул веранду. Конфликт был исчерпан.

– Что это было? Почему он ушел? – выговорила потрясенная девушка.

– А ты бы предпочла, чтоб он остался? – грозно развернулся он к девушке. – Ты вконец сдурела? Совсем не дорожишь головой?

– Это он меня схватил! Мы просто танцевали! – поспешила она оправдаться. – Я ничего...

– Пошли, – он сердито подтолкнул ее к выходу.

– Ты говоришь по-итальянски?

Он не ответил.

Молчание. И снова это сдавливающее уши молчание! Ее тошнило от недосказанности. Она сполна наелась всем этим за последние пару месяцев. И сейчас вновь ей приходилось дышать этим сладковато-гнилым запахом... ощущать этот безмолвный гнев.

– Что ты сказал ему? – вопрос раздавил тишину. – Болею туберкулезом? Или еще что похуже?

– Рассказал правду.

– Как не даешь мне развода и привез насильно, чтобы поизмываться? – съязвила она.

– Да, – холодно ответил мужчина.

От возмущения у Симы вытянулось лицо. Чувство благодарности за избавление от навязчивого ухажера сменилось колючим раздражением. Она уже сомневалась, испытывала ли радость, что в ресторан явился ее опостылый муж и сменил одно неприятное общество на свое, не более привлекательное.

– Чего ты добиваешься? – она еще раз попыталась вызвать его на откровенный разговор.

Ответа не последовало.

– Я знаю! Тебе просто не терпится испортить мне жизнь! За что ты меня так ненавидишь? Я тебя не люблю! Больше нет! Смирись! – крикнула она ему в спину.

Снова молчание.

Они подошли к бревенчатому двухэтажному домику.

Глухая ночь застелила равнину сплошным покрывалом непроглядного мрака. Взгляд тонул в вязкой смоле черноты. Под ногами едва просматривались ступеньки. Страшно было спускаться при ярком солнечном свете, а теперь...

Она радовалась про себя – тьма скрывала грызущий страх перед шаткой лестницей. Но ей вовсе не хотелось, чтобы супруг это заметил.

– Все, дальше я сама! – Серафима вцепилась в перила. – Не ходи за мной!

– Ты красиво танцуешь... – расслышала она сквозь чернильную пустоту.

– Что?.. – девушка застыла в пролете.

Ей послышалось. Ей показалось. Эхо? Воображение?

Ответа она не услышала.

Глава шестая

♪♪ Shiro SAGISU – Griffith's Dream

Бегу по ступенькам. Ядовитый ужас заживо снедает тело. Нет сил терпеть. Что-то случилось! Я чувствую кожей – мелкие волоски встали дыбом.

Проклятый семнадцатый этаж! Бесконечные лестницы... Наверное, я бегу по замкнутому кругу ребристых ступенек, точно крыса в беговом колесе. Кто-то играетя мной! Не иначе! Но мне совсем не до смеха.

Исчезла!.. Моя девочка... Что-то произошло, что-то очень плохое...

В мобильной трубке длинные гудки, а затем «абонент не доступен...» в тридцать седьмой раз. «Попробуйте перезвонить позднее», – бездушно советует мне электронный голос. Издевается. Черт бы его побрал!

Она пропала! О, Господи!

Почти двенадцать... Без пяти. Вышла из дому в десять вечера.

Болван! Зачем отпустил так поздно гулять с собакой? Одну... Нет, она была не одна, с Варягом! Золотистый ретривер – крупный пёс. С ним так просто не сладишь. Нужно всего двадцать минут... Их нет уже два часа!

Снова эти стонущие гудки... и опять «недоступен»...

Я сойду с ума! Никогда не было так страшно. Даже там, над пропастью, на высоте семь с половиной тысяч. Внутри что-то натягивается до предела, еще чуть и порвется. Это невыносимо! И тоска... Полнейшее смятение в тесном улье мозга, а в груди – лютая тоска... Словно горло заливают жидким азотом. Минус сто восемьдесят по Цельсию... Спазмы... Задыхаюсь!

Ступеньки закончились. Отпустили. Значит, кто-то там уже наигрался...

Практически вышибаю тяжелую парадную дверь. Сзади крик... Консьержка верещит, точно умалишенная. Или это я не в себе?

Парк через два дома. Парк. Мысленно я уже там, только, вот, ноги не успевают.

Добегаю.

Еще лето, но в парке темно, и никто уже не гуляет.

В голове ужасный бедлам: много отвратительных предположений. Я цепенею. Не могу решить, в какую сторону лучше бежать. Она может быть где угодно. Много тропинок... слишком много!

Так. Стоп. Сосредоточься! Я должен сосредоточиться! Страхи потом! Главное сейчас – найти мою девочку! Ей нужна помощь!

Где обычно они гуляют? Варяг обожает полянку. Это чуть поодаль, слева от центральной аллеи.

Несусь туда.

Почему я не сразу сообразил, что их нужно срочно найти? Сидел себе, щелкал стрелкой мышки по монитору, и вдруг осознал. Будто дернуло. И вот я сломя голову несусь к полянке – небольшому клочку высокой травы среди дорожек из гравия.

Никого. Все холодеет внутри. Не знаю, где еще можно искать.

Мать твою!!!

Чертыхаюсь. В голос. Помогает.

Страхиваю клешни паники с опухшего горла.

Нужно сконцентрироваться.

В сотый раз набираю заветный номер. Гудки... Начинаю представлять, как звучит мелодия звонка. Мне так хочется ее услышать!

Дорогая, умоляю тебя, возьми трубку!

Горячо молюсь. Шепотом.

Видимо, я заставил себя поверить, что слышу рингтон ее телефона, потому что... действительно расслышал его!

Бросаюсь на звук. Телефон... Знакомая песня...

Первый час... никого... город спит... Трель доносится издалека, но я легко угадываю направление. Секунд десять, и вот она, сумка.

Маленький рюкзачок. Все на месте: кошелек, телефон, плеер. Связка ключей. Вещи тут... значит, не ограбили.

Где же она?!

Тишина. Вой сирены с далекого шоссе... но вокруг ни звука. Вакуум...

Истошно ору во всю глотку. Выкрикиваю ее имя. Не знаю, зачем. Может, зову, чтобы услышала... или, скорее, ради себя, чтоб не рехнуться от ужаса.

Одна в черном парке. Ее похитили... Красавицу, умницу, мою невесту.

Трясутся руки. Обливаюсь холодным потом.

Чую всхлип. Не слышу. Чувствую. Огрызками здравого смысла.

Не помню, как отыскал ее тело. Помню, что не рыдается.

Ох, нет! Она жива... Господи, жива! Жива!!! Лицо в пыли... дышит, или если точнее, беззвучно всхлипывает. Вся в слезах. Плакать в голос закончились силы. Наскоро осматриваю туловище – кости целы, голова без ушибов. Юбка не порвана. Ее никто не трогал. Не похищал.

Тыльной стороной ладони стряхиваю со лба тяжелые бусины пота. Успел нафантазировать самое страшное... Большое воображение!

– Что, что случилось? – смахиваю испачканные локоны с ее лица. – Как ты?

Она порывается сказать, но вновь захлебывается слезами.

– Успокойся! Я рядом! Любимая, рядом! – прижимаю дрожащее тело к себе.

Домой. Нельзя ее тут допрашивать. Дома все расскажет.

Пытаюсь приподнять ее. Она слаба. Хватается за мою

футболку. Силится выговорить слова.

– Потом объяснишь! Сейчас это неважно! Нам нужно до-
мой, – уговариваю ее.

Хочу взять за руку, и ощущаю запах крови. Медный, теп-
лый, гадкий. Ненавижу. Меня всегда мучило от него. Откуда
кровь?

Ладони стерты об асфальт. Скорее всего, упала.

Ощупываю ноги. Она бессильно стонет. Колени содраны
до мяса. Лежала здесь в грязи. Если инфекция попадет в от-
крытую рану, начнется сепсис.

– Тебе нужно промыть ссадины, – как можно более спо-
койно говорю я ей.

– Ва... вар... ряг, – выдохнула она.

Лишь теперь осознаю, что пса не слышно. Сбежал, пре-
датель! Ему положено защищать хозяйку, а он... трус! Мыс-
ленно клянусь собаку.

Черт с ним! Вернется еще.

Бережно поднимаю рыдающую девочку. Кажется, ткань
короткой юбки за что-то зацепилась. Оглядываюсь.

Не ткань, рука. В запястье врезался ремешок от поводка
собаки.

– Милая, можешь сесть? Я сниму ремешок, – усаживаю
на край бордюра, освобождаю руку.

Ремень. Варяг здесь? Рядом?

Зову собаку. Нет ответа. Только хриплый стон любимой.

Иду за поводком. Два, три метра. Пять метров. Около то-

го. Светлый мешок посреди дороги. В темноте не разгляжу.
– Что за...? – отшатываюсь.

Объемистая туша мертвого животного растянулась через широкую тропу. В ней не осталось ничего от Варяга. Морда раскрошена на фрагменты. Не было одного глаза и носа. Грудина раздроблена, хребет перебил в двух местах. Корпус неестественно выгнулся через спину и скорее напоминал меховой набитый щепами выюк, неаккуратно сброшенный с телеги, чем живое существо. Очень странно: крови почти не было. Шкура не порвалась. Но пес... Боюсь даже представить, что здесь произошло. Жуткое зрелище.

Возвращаюсь к дрожащей невесте.

– Машина, – выговаривает она. – Машина его... Он не успел... Я не видела машину! Его... так страшно... – она вдруг крепко вцепляется в меня. – Я пыталась встать, но он меня не отпускал.

Чувствую, как кровь отходит от лица.

Ремень! От испуга ей померещилось, что мертвый пес держит ее. Все это время она думала, что он ее держит!

Я сильно зажмуриваюсь, чтобы прогнать тошноту.

Автомобиль сбивает собаку. Вокруг запястья обмотан поводок.

Ее протащило метра два. Сильный испуг. Рюкзак недалеко, но аллея пуста. Темнота ночи ее вконец напугала. И вот она плачет уже второй час... совсем одна... не может сдвинуться с места... потому что собака ее не отпускает.

Ватные ноги приносят нас в дом.

Я быстро опрыскиваю ее водой из душа, вымываю землю и пыль из спутавшихся длинных волос. Промачиваю вату перекисью водорода, вынимаю частички гравия. Обрабатываю края ссадин йодом, тщательно перевязываю. Она не дергается, не кричит. Или сил не осталось, или полстакана заначенной водки притупили острую боль.

Укладываю ее, присмирившую, в чистую постель, под одеяло. Сейчас ей обязательно нужно поспать. Завтра я поговорю с ней, мы во всем разберемся. Пусть только отдохнет.

– Эй, ты чего?

Она схватила меня за рукав.

– Ты куда?

– Я ненадолго.

Пожалуй, не стоит ей говорить, что я собираюсь вернуться в парк. Варяг так и остался лежать посреди дороги. Утром на него наткнется какой-нибудь дворник, и тело собаки попросту выбросят, как заплесневелую банановую кожуру. Я собираюсь его похоронить. Там, на полянке, на которой мы вместе так славно резвились. В прошлую пятницу... Три дня назад...

Болезненно сжимается сердце.

Варяг был верным другом и смышленным псом. Его когда-то подарил мне отец. Когда был еще жив. Нашел его в переходе метро, пожалел. Он сказал тогда, что щенок напомнил ему меня. Да! Он был прав! После трагедии на Джо-

молунгме я расклеился, потерялся. Жизнь утратила былые краски. Я носил в себе камень ужаснейшего греха. Я проклял себя. Отец говорил, что я хороню себя заживо. Так и было. Но в мою жизнь вошел неунывающий Варяг. Этот пес день за днем врачевал мою душу. Теперь пришло время мне позаботиться о его песьей душе.

– Милая, тебе стоит поспать! Я отлучусь всего на час. Ты проснешься, и я буду рядом! – обещаю ей.

– Не уходи! Побудь со мной! – она тянет меня за футболку.

Шумно выдыхаю. До рассвета часа четыре. Подожду, пока не уснет. Она столько пережила в этот вечер! Конечно, ей хочется, чтобы с ней кто-то был. Успокоил, обнял, утешил. Она еще совсем юная... всего двадцать. И меньше, чем через месяц пойдет под венец. Имею ли я право брать с нее клятву? Вечно любить, почитать, быть опорой в горе и в радости, здравии и болезни... Молодая, почти ребенок! Ей пока рано сталкиваться с болезнями. А смерть? Она даже не знает, что это! Наполнена множеством ярких желаний. Неисчерпаемая энергия бурлит в янтарных глазах. Все впереди. Ей кажется, что любая вершина по плечу. Но не догадывается, что в жизни, бывает, случаются ужасные вещи.

«Наверное, за это и полюбил...», – думается мне, – «...если вообще любят за что-то!»

Какая слабая она сейчас! Чувственная... почти хрустальная! Глядит пронзительно, умоляет не покидать ее.

Поэтому я хочу сделать ее своей женой. Для нее свадебная церемония – это праздник, красивый бал, где она будет в центре внимания. Для меня все иначе... Я беру за нее ответственность. Она нуждается во мне, и я дам слово защищать ее. Порой и от нее самой.

«Несдержанная. Кипит азартом... За это тоже люблю!».

– Милая, что ты делаешь?

Снимает с меня футболку.

– Зачем тебе футболка? – я слегка удивлен.

Она еще напугана. От страха люди всякое могут выкинуть. Мне ли не знать?

Берет меня за руку и притягивает к себе. Не понимаю, чего она хочет, но поддаюсь. Ее руки сплетаются вокруг моей шеи.

«Хочет объятий?»

Вдруг чувствую лихорадочно горячие уста, сперва на горле, затем выше, к лицу. Она яростно целует меня в губы. Болезненно. Страстно. Практически кусает. Вырвавшись из пучины одеяла, ногами обхватывает мои бедра и пригвождает к своему нагретому телу. Я сквозь ткань плотных домашних брюк ощущаю телесный жар. Начинаю беспокоиться. У нее высокая температура?

Норовлю дотянуться до лба, скрытого влажными ее волосами. Не получается. В тонких пальчиках, разбитых в кровь, проснулась неженская сила. Она крепче вжимается в меня, дыша сбивчиво и глубоко.

– С тобой все в порядке?

«Не в себе», – понимаю я.

Она выгибается всем телом. Под ночной сорочкой чувствую напряженную женскую грудь. Белье исчезло вместе с застенчивостью. Скольжу глазами по обнаженным плечам. Блестящая от испарины кожа. Живая, мягкая, соблазнительная. Жадно втягиваю пьяный воздух. Ничего не могу с собой поделать.

– Это не... это не... Тебе следует отдыхать! – сметаю с себя ее руки.

Продолжает смотреть на меня из-под полуприкрытых век.

– Прошу тебя! – ее голос сильно дрожит.

– Нет, я не могу!

Варяг там, в ночи... Я должен похоронить его! А ей нужен отдых, а не...

Раскаленные губы касаются меня, потом еще и еще...

– Не... не могу... – выдыхаю и растворяюсь в наслаждении.

Она меня одолевает. Забываюсь. Я повержен.

– Обними меня крепче! – слышу крик. – Хочу... сильнее!

Вонзает ногти мне в плечи. Чертовски больно. Я рычу. Стоило бы остановиться, прекратить это безумие... Но сейчас все по-другому. Отрекаюсь от боли. Не обращаю внимания.

И снова когти царапают спину. Дьявол! Она распаляет меня. Злит. Взывает к внутреннему зверю. Требуется жестоко-

сти.

Я никогда прежде не был груб с женщиной. Но это... это больше похоже на истязание, чем на любовь.

У нее не было мужчины... до меня. Я всегда старался быть с ней предельно аккуратным. Этим летом она в первый раз... Она совсем небольшого роста. Не хотел причинить ей... Боль.

Она сошла с ума, и, кажется, я тоже.

Священнодействие. Жертвенный алтарь. И мы, язычники.

Я не могу остановиться. Чувствую, как ярость поднимается по венам. Я словно призван поразить идолопоклонницу.

Запредельный ритм. Сердце долбит в ушах. Вместо крови – адреналин. Тело стало единым духом. Я почти не дышу – горю. Если бы не спортивная закалка, умер бы от перегруза.

Она сама не своя. Безумная, алчущая, ненасытная. Словно ей меня не хватает, словно хочет наполниться до краев. Я весь в ней. Она прижимается в исступлении, отдается вся целиком.

Слепая дымка в невидящем зрачке мешает, как следует, разглядеть ее лицо. То, что она испытывает, не удовольствие. Голод.

Ощущаю, как растекается сознание. Кровь и ртуть. Мистический калейдоскоп осколков мыслей. Уже не разобрать, что есть реальность.

Парк, авария, собака – все предано забвению. Страшный

грех, гибель человека... Я был убийцей! Нет, не было такого! Я снова чист душой! Я знаю!

Вся простыня в крови. Моей, ее. Повязки сорваны с колен... как и моя кожа на плечах.

Я почти на грани... Она просит еще... Заклинает. Я падаю в нее последний раз и... слышу крик. Не помню, кто кричал.

Пальцы... Ее тело каменеет в приступе экстаза, поясница напрягается, и вся она поддается вперед, выбрасывая обнаженную грудь мне навстречу.

Помню ее пальцы. Неестественно изломанные, согнутые в каждом суставе, до крайности напряженные. На фоне плавности телесных линий, эти пальцы, казалось, принадлежат не ей. Руки старой ведьмы. Отвратительные руки. Они ворожат надо мной.

Хочу помешать им, но сводит плечи. Все в крови, но от запаха я проваливаюсь в сон. Нет сил, чтобы открыть глаза. Что-то тяжелое во мне рассыпается, и я чувствую, как вместе с кровью уходит боль. В первый раз за эти годы я сплю спокойно.

Варяг был похоронен до рассвета. Я успел.

Прощаюсь с верным псом, а сам гадаю, что произошло... там... с нами?

Мы оба никогда не заговорим о той ночи. А, может быть, ее и вовсе не было? Может, эти руки просто приснились мне?

Глава седьмая

– Сима, просыпайся! – чей-то противный голос выдернул девушку из приятного сна.

– Что? Нее-е-ет! Я не выпалась!

– Еще десять минут, и будешь порхать по всей комнате уже не как балерина. Сколько можно тебя будить? Через полчаса выступаем! – рассердилась Наталья.

– Не может быть! – застонала Серафима. – Сколько времени? Еще темно!

– Четыре утра.

– Вы все с ума сошли что ли? Зачем так рано!

– Нам сегодня предстоит марш-бросок в семнадцать километров. Ты что, опять уснула?!

– Я не хочу!

– Господи, какая же ты упрямая! – вскрикнула медсестра. – Зачем Глеб вообще тебя сюда притащил? Ты же погубишь все наше дело!

– Согласна! Я тоже просила оставить меня в покое, а он...

Дверь в их комнату распахнулась, и вместе с предутренним стылым воздухом развязно вторгся Андрей явно в приподнятом настроении.

– Девчонки, собрались? Какие вещи уже выносить? – спросил он бодро.

– Можешь вынести нашу спящую красавицу, – буркнула

Наташа.

– О! – мужчина был озадачен. – Сима, ты что, еще в кровати? Быстро поднимайся! Бегом завтракать! Мы уже выдвигаемся!

– Я сплю!

Андрей вопросительно взглянул на Наталью.

– Не знаю, что с ней делать! – пожалла плечами женщина.

– Сима! Ты же подводишь команду! Мы должны следовать расписанию! Лошади уже здесь. Пора грузить вещи. Мы не может задерживаться.

– Четыре утра! – Серафима раздраженно вскинула одеяло и села. – Вы ненормальные! И меня хотите свести с ума!

– Вот так принцесса! Сахарная! – заключил первый помощник.

За спиной послышался громкий топот.

– Что вы копаетесь тут? – Глеб, сосредоточенный на времени, обходил комнаты.

Он остолбенел, когда наткнулся на развешенные вещи и заспанное лицо жены.

– Я не могла ее добудиться, – поспешила оправдаться Наталья.

Сима с наигранным безразличием расчесывала волосы, стараясь казаться уверенной в присутствии мужа. Это он притащил ее в это захолустье, поднял до зари и вынуждает лезть в горы, где ей не место.

– Ребят, извините. Можно мне попросить вас на пару ми-

нут? Думаю, мне нужно пообщаться с нашей прямой балета.

Андрей вопросительно поднял брови, Наталья торжествующе ухмыльнулась, предвкушая расправу над спесивой девчонкой.

Дверь захлопнулась, и Глеб присел на койку, устало разглядывая кажущееся невозмутимым лицо жены. Она прекратила расплетать заполстившиеся пряди и с опаской бросала взоры на мужа. Он молчал, и молчала она.

– Пора бы. Время не терпит! – неодобрительно кивнула Наталья в сторону двери. – Она, как дитя неразумное. О чем с ней вообще можно разговаривать?

– Ты спешишь с выводами, – предупредил Андрей медсестру. – У нее в голове беспорядок, но она интересный человек. Сдается мне, Глеб не зря ее взял с собой.

– Перестань! Быть не может, что она ему... ну ты понял.

– Нравится? Кто знает!

– Он женат! Для вас, мужчин, это еще что-то значит? – нахмурилась женщина.

– Может, она просто сестра жены! Или еще какая родственница! – шкოდливо развел руками помощник. – И он...

Андрей не успел договорить. Сима вылетела из двери, как подстреленная.

– Куда это она? – недоуменно обратился к другу первый помощник.

– Пошла умыться и завтракать. Через пятнадцать минут собираемся вниз. Андрей, помоги ей спустить вещи!

Через четверть часа команда в полном составе топталась у крыльца.

Густой лес, чернеющий в тенях ночи, утонул в сливочном тумане предстоящего дня. Красное солнце, зардевшееся ото сна, едва показало из-за утренней дымки румяную щеку. Хоровод последних июльских деньков завершал прощальный танец цветения. Совсем скоро роса начнет остывать, и теплые ветры уступят место северным, предосенним. Прожорливые початки листьев успели вобрать в себя сок земли и магию солнца, и теперь, пресыщенные, рисковали отвалиться от тощих веточек и пасть бесславной смертью у ног дерева-прародителя. Трава понуро ложилась вдоль разбитой дороги, разошедшейся от жары. Утренняя алмазная влага целовала землю и дарила стебелькам надежду на отдохновение. Поле дышало свежестью. Запах отсыревшей почвы и листового гноя сводил ноздри с ума, побуждая вдыхать чистую летнюю благодать, непривычную городскому забитому носу.

В застывшем утреннем воздухе легко угадывался шум воды бурной реки Катунь, некогда священной для алтайцев.

Еще полвека назад люди верили, что Катунь была сварливой женщиной и капризной супругой одного из высоких хребтов. Гнева ее опасались не меньше, чем дикого зверя. Неверных мужчин она губила в омутах и на крутых каменистых порогах, зато молодые незамужние девушки могли плескаться в ее водах от зари до зари. И теперь бурный плеск Катунь привлекал обманчивой беззаботностью, но нрав

ее остался прежним: каждый год она утягивала на дно соблазнившихся ее прелестями мужчин. Они станут ее любовниками навсегда.

«Прямо роковая женщина!» – Серафима протерла глаза, заслезившиеся от света.

Хотя солнце почти поднялось над горизонтом, их команда до сих пор не выдвинулась из лагеря.

– В ручную кладь берем только самое необходимое! Не забудьте спрей от летучих тварей. Остальное грузим на лошадей! – объявил руководитель отряда. – Бережем силы для подъема.

Отряду привели четверых разномастных коней. Два гнедых жеребца спокойно стояли на коренастых ногах. Еще один, не такой упитанный, грязно-белый, понуро опустил седую шею. Он был самым старым из них и не раз испытывал на собственном хребте тяготы горной тропы, кои были ему уготованы лошадиной судьбой. Он знал, что их ждет.

Серафиме почудилось, что если хорошенько присмотреться в темные лужи глаз седогривого старца, можно разглядеть в них дорогу туда и обратно. Рассмотреть вершину Белухи. Почувствовать облегчение, когда по возвращению на горизонте завиднеется алтайская деревушка, и все уже кончено, трудности позади.

Четвертым оказался удалой скакун-новичок, норовистый подлеток. Сегодня ему, как и Симе, предстоит в первый раз столкнуться с непредсказуемой горной тропой, и он нервни-

чал, царапал копытом землю в ожидании чего-то неизъяснимого, пугающего и, одновременно, величественного.

У девушки заныло под сердцем. Ее тоже мучало нетерпеливое предчувствие важных событий.

Лошади пройдут с ними до Аккемского озера – это два дня пути, затем облегченно скинут чужую поклажу и вернутся домой вместе со своими провожатыми.

– Нравится? – с нескрываемой гордостью спросил неказистый алтаец, видимо, хозяин коня.

– Д-да! – моргнула от неожиданности Сима. – А можно погладить?

– Не советую, – вмешался Андрей. – Здесь лошади другие, нежели ты видела в городе. Эти почти дикие. Их растят в огромных загонах. Никаких теплых стойл. Они – тяжелая рабочая сила, а не аксессуар. Признают только хлыст, – безжалостно сказал он.

– О, боже!

– Оттяпает тебе руку не хуже собаки. Не лезь!

Серафима послушно отошла от молодого жеребца. Алтаец бестолково пожал плечами и продолжил навьючивать лошадь.

– Как ты это сделал? – раздался вопрос за спиной. Глеб обернулся.

– Не понял.

– Наша принцесса собрала чемоданы за десять минут! Не хныкала, не упрячилась. Что ты ей сказал? – Наталья

сверлила его любопытным взглядом.

Глеб на секунду задумался над ответом.

– Сказал, что дам ей развод, – не моргнув глазом, объяснил он.

Медсестра застыла, а потом вдруг улыбнулась.

– Это шутка такая? Ха! Смешно! – закивала она одобрительно.

– Шутка...

– Ну, не хочешь, не говори! – выпятила она нижнюю губу, беззлобно изображая обиду. – С этой девчонкой никакого сладу нет!

«Это точно!» – Глеб отыскал Симу в толпе. – «Никакого!»

Девушка с восхищением осматривала нож, который решился взять в дальний поход фотограф Сергей. Изогнутый металлический клинок разительно отличался от привычного туристического ножа и вызывающе лежал в руке. Три дерзких зубца украшали лезвие, в то же время, утяжеляя его. Произведение искусства, вылитое из стали, отполированное и остро заточенное, было призвано восхищать неискушенный глаз. Форма клинка вселяла в девочку благоговение перед сверкающим остроносым оружием.

Сима выпросила подержать красивую вещь. Ее кисть заметно напряглась, приняв на себя вес клинка.

«Так и есть: слишком тяжелый», – смекнул Глеб. – «Таким проще порезаться, чем нанести реальный вред кому-то другому. Лезвие застрянет внутри, и любой дикий зверь за-

грызет его прежде, чем истечет кровью из раны».

Но Серафиме явно нравился этот красивый нож. Фотограф не скрывал удовольствия и раздувался от гордости, что сумел произвести необыкновенный эффект.

«Сорока!» – бросил ей мысленно Глеб. – «Увидала блестящее...»

– Видел ножичек? – вынырнул из-за спины первый помощник.

Глеб холодно кивнул. Свое раздражение он оставит при себе. Незачем остальным читать его мысли.

– Спорим, он быстрее всадит его себе в бедро, чем сумеет почистить картошку?

– Оставь его! Пусть балуется! – бесстрастно произнес Глеб.

– Где твое чувство юмора? Ты прямо сам не свой!

– Я занят, – мужчина втискивал рюкзак с аппаратурой в кожаный непромокаемый мешок.

Андрей разочарованно пожал плечами и крикнул Сергею:

– Эй, Рембо! Убери свой несуразный клинок подальше от девочки! Не дай бог поранится – шею сверну!

Серафима еще раз осторожно провела пальцем рядом с тонким лезвием и протянула нож обратно Сергею. Она повернула голову в сторону ножен супруга, в тех лежал обычный, ничем не примечательный ножик с деревянной потемневшей от времени толстой ручкой. Сима подметила интересную закономерность и удовлетворенно растянулась

в улыбке: предпочтение отдавалось явно не в пользу мужа.

Глеб стоял к ней спиной, и не мог видеть издевки на ее лице, однако короткий полный презрения взгляд перехватил вездесущий китаец, не попадавший на глаза весь прошлый день.

«Этот тут как тут!» – она постаралась скрыть стыд за неосторожность. – «Ну и пусть!»

Они шли уже больше шести часов.

Солнце неукротимо тянулось к зениту, но в отличие от нестерпимого пекла, растворяющего сознание в кислоте преисподней пару дней тому назад, этот полдень распевал ликующую песнь вместе с приятным остужающим ветерком.

Настроение Серафимы мало-помалу налаживалось. Спину оттягивал походный рюкзак с бутылкой воды и парочкой личных вещей на случай необходимости. Новые ботинки сидели по ноге и не думали натирать.

Ей дышалось весело и свободно. Шумный гомон качающихся листьев тешил проржавевшие нервы. Голова отреклась от раздумий и окунулась в волны созерцания, беспрестанно спотыкаясь о чудеса дивного леса. Голодная душа раз за разом впитывала свидетельства неоспоримых чар доброго лесного духа, скрывавшегося от посторонних глаз. Не единожды она встречала застывшую фигуру зверя, в последний миг оборачивавшуюся в корягу.

В кустах сияли шелковые сети неусыпных пауков, играющих в салки с жирной мушкой. Паутинки переливались

алмазной нитью, отблескивая на солнце подлинными драгоценностями вместе с лакированным агатовым паучком.

Сладкий воздух зазвенел от райского пиликания невидимой птахи. Где-то недалеко, в кроне деревьев еще один голос походил на хрустальную свиристель. К ним присоединялись еще и еще. Разрозненный хор серебряных колокольчиков ложился стройной гармонией волшебной баллады, ласкающей внимающий слух.

Всю жизнь, не ступая шага из мегаполисов, Сима не догадывалась, что птицы умеют так петь. Хотя... нет, знала, конечно: слышала городских воробьев под окном спальни в родительском доме. Однако то было совсем другое.

Прошлые обиды и горести забывали дорогу к разморившимся думам. Мысли перескакивали от одного светлого воспоминания на другое. Иначе не получалось. Вымороженный сугроб раздражения таял и испарялся под добродушными лучами. Лес убаюкивал мерным качанием, прославляющей песней ручьев и мшистой мягкостью толстого наста. Ноги спешили навстречу жизни, и расцветала внутри безмерная благодарность судьбе за то, что свела к этой дороге, пусть даже не по своей воле.

Глаза сами принялись выискивать вожака колонны. Полтора десятка людей, четыре коня и бесчисленная поклажа. Ему нельзя сбиться в пути – за ним идут люди.

Муж обещал выпустить ее из клетки остывшего очага. Они вернутся, и мир изменится навсегда. Свобода желаний,

чувств и эмоций – она сама будет вольна решать, какому делу отдаться и кому принадлежать. Птица! Парящая, смелая, сильная! Именно птицей она ощущала себя в это утро. Долой холодные одинокие вечера, горючие слезы и молитвы о возвращении заплутавшего мужа! Она устала быть ополовиненной, собирать крохи недолгих встреч с ненаглядным мужчиной, прежде чем снова начать жарко заклинять богов о его возвращении. Потеряла себя, опустела, отдала всю себя на молитвы. Тысячи сводок о жертвах беспощадных хребтов...

Довольно! Теперь новая жизнь! В ней не останется место ужасу. Вера в завтрашний день и любовь!

Серафима выдвинулась вбок из шеренги. Захотелось рассмотреть широкую спину супруга и попробовать разгадать, как же он воспринял собственное решение. Не то, чтобы это повлияло на ее мнение, но все-таки интересно: мучается или дышит свободно?

Остановился. Сверился с картой. Подобрал шнурок с электронной коробочкой GPS. Вновь тронулся в путь.

Отбросить прежний страх, обиды и ненависть, взглянуть на него еще раз незапятнанным взглядом.

Рослый, плечистый, уверенный. Ничего не боится. Идет впереди, не оглядываясь. Гордый зверь. Он задает темп – остальные за ним поспевают. Главарь. Не поспоришь. Все, как прежде. Но он не видит никого подле себя: ни супругу, ни друга, ни постороннего. Цель его там, высоко. Он не спо-

собен остановиться. Вершина – ему мать, жена. Его светоч. А ей, женщине из плоти и крови, нет места рядом с таким. В ней тоже есть гордость. Она тоже хочет мечтать, хочет оставаться любимой и не бояться, провожая супруга в заснеженные объятия смертоносной любовницы. Изю дня в день, из года в год. Нет больше сил, родник иссох. Но вскоре она вновь окажется свободной!

– Стоп! – крикнул прямо на ухо первый помощник.

От неожиданности Серафима споткнулась и нелепо замала руками, стремясь избежать падения. Обескураженная, она вопросительно уставилась на Андрея, желая понять, зачем тот ее напугал.

– Выбрось! Фу! – мужчина слегка ударил ее по пальцам левой руки. В мох упала горошина алого цвета, похожая на ягоду красной смородины.

– Ай! – прижала девушка руку к себе. – Ты чего?

– Что там у вас? – донесся голос главного проводника, учуявшего заминку в стройной линии шедших.

– Все нормально! – ответил Андрей громко и прибавил уже тише, – Умереть хочешь? Это Волчье лыко! Крайне ядовитая!

– Я... я... не... знала, – растеряннo заморгала глазами девчонка.

– Это растение даже трогать не следует! Вызывает ожоги кожи. Представь, что с тобой будет, если проглотишь такую!

– Ох!

– Это тебе не дачный сад! Нельзя вести себя так легкомысленно! Смотри, куда идешь и к чему прикасаешься! – строго наказал ей мужчина.

– Д-да, кон-кон-нечно! – и не подумала пререкаться Серафима. – Спасибо! – она виновато склонила голову.

– Ладно, идем! – немного оттаял Андрей.

Теперь он шел за ней. Она чувствовала: он следит. Сима старалась обходить кусты с ягодами, опасливо глядя на каждый из них, чем сместила мужчину.

Глеб объявил десятиминутный «перекур».

– На, держи! – протянул ладонь первый помощник, в той лежало несколько маленьких ягодок, незнакомых на вид.

– Они не ядовиты? – недоверчиво спросила Серафима.

– Нет, – улыбнулся Андрей. – Это лесная земляника. Ее можно есть.

Действительно, ягоды оказались ароматными и очень сладкими. Она слышала о землянике, но никогда не встречала.

– Говорят, есть особенные сорта, и можно вырастить ягоды размером с клубнику.

– Интересно, где такую купить? Съела бы целое ведро, – ее лицо стало мечтательным.

– В городе, наверное, все можно достать, но стоит она дорого.

– Да уж. Скоро мне будет не до того, – задумчиво произнесла девушка, заставляя гадать Андрея, что значили ее сло-

ва.

Серафима заглянула в небольшую, но глубокую лужу, дно которой было выложено прошлогодними листочками разных деревьев. Казалось, в луже вовсе не было воды, до того она была прозрачная. Каждая коричневая прожилка рассматривалась под упругими пучками света. Причудливо изогнутые застывшие в воде пластины листьев напоминали природную инсталляцию, украшавшую естественный антураж.

Сима без конца оглядывалась и притормаживала, стараясь тщательнее разглядеть необычные произведения искусства, расставленные вдоль пути. Она чувствовала, будто шла по музею, и шедевры неизвестных авторов поражали ее оригинальностью своих идей. Замысловатые букеты из фиолетовых, белых и желтоватых цветков блазились встать на пути неискушенных глаз девушки, однако Сима помнила запрет Андрея и не приближалась к растениям слишком близко.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.